

Лилия Тимолаева

ПОПАДАНКА ХОЗЯЙКА

последней станции

Лилия Тимолаева

**Попаданка. Хозяйка
последней станции**

«Литнет»

2026

Тимолаева Л.

Попаданка. Хозяйка последней станции / Л. Тимолаева —
«Литнет», 2026

Я проснулась на заснеженном перроне в чужом теле, с чужим именем и обвинением в катастрофе, из-за которой исчез целый вагон. Теперь меня зовут Наяра Локс. Все вокруг уверены: именно я сломала путь, погубила людей и должна ответить за то, что случилось. Вместо суда мне дают месяц на невозможное — восстановить Последнюю станцию, место, откуда давно не возвращаются с прежней жизнью. Станция разваливается, расписание меняет строки само, багаж помнит чужие тайны, а в старых путях спрятана правда, которую кто-то очень хочет похоронить. И чем ближе я подбираюсь к разгадке, тем яснее понимаю: я попала сюда не случайно. Последняя станция ждала хозяйку. А ещё меня ждёт Остен Грай — ревизор, который должен закрыть станцию. Мужчина, которому нельзя доверять слишком быстро. И рядом с которым всё труднее помнить, что мой настоящий пункт назначения — Дом.

Содержание

Глава 1. Билет в чужую жизнь	5
Глава 2. Станция, которую все проклинали	19
Глава 3. Вагон без пассажиров	38
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Глава 1. Билет в чужую жизнь

Первым я услышала не собственное дыхание, а чужой крик.

Он взлетел над перроном тонко, испуганно, срываясь на хрип, и сразу утонул в грохоте железа, в скрипе досок под чужими сапогами, в резком свисте ветра, который нёс по воздуху колючий снег. Что-то тяжёлое прокатилось рядом, ударилось о деревянное ограждение, раскрылась крышка чемодана, и по настилу рассыпались серебристые пуговицы. Они покатались к моим пальцам, звеня так ясно, словно мир решил начать знакомство со мной не с объяснений, а с мелкой, нелепой, пугающе настоящей детали.

Я лежала на боку.

Щека касалась промёрзших досок. Под ладонью ощущалась шершавая щель между половицами, набитая снегом и угольной крошкой. Воздух пах дымом, мокрым деревом, лошадиными попонами, железом и чем-то ещё — терпким, незнакомым, похожим на запах перед грозой, когда небо уже сжалось, но гром ещё не ударил.

Я попыталась вдохнуть глубже и закашлялась от холода.

— Она жива! — выкрикнул кто-то совсем рядом. — Локс жива!

Имя хлестнуло по мне, как снегом в лицо.

Локс.

Я не знала никакой Локс.

Я знала Таисию Рель. Себя. Свою маленькую квартиру с вечно гудящей батареей, кружку с отколотой ручкой, рабочий стол у окна, где лежали счета, блокнот и недочитанная книга. Я знала, что утром должна была выйти за хлебом, потому что дома оставался только чай и засохшая корочка. Я знала, что на улице был мокрый асфальт, а не снег, что машины за окном шумели, а не... не это.

Здесь над головой тянулись чёрные рельсы, уходящие в белую мглу, а над ними висели фонари в медных клетках. Огонь внутри фонарей не горел обычным пламенем: он переливался янтарными нитями, то вытягиваясь вверх, то сворачиваясь в маленькие спирали, и от этого свет ложился на снег неровно, живыми пятнами. На краю платформы стоял огромный столб с расписанием. Буквы на нём двигались сами — медленно перетекали из строки в строку, стирались, появлялись снова, словно невидимая рука никак не могла решить, какие рейсы ещё существуют, а какие уже нет.

Я моргнула, но буквы не исчезли. Люди вокруг — тоже.

Женщина в тёмном дорожном плаще прижимала к груди разбитую шляпную коробку и плакала без звука. Мужчина с окровавленной бровью ругался с носильщиком, который пытался вытащить из-под перевёрнутой скамьи кожаный саквояж. На снегу валялись шали, обрывки билетов, перчатки, детская деревянная лошадка без колеса. Чуть дальше, у самого края перрона, стоял вагон — перекошенный, с вырванной дверью, но не обычный вагон. Его бок был покрыт тёмными знаками, которые вспыхивали и гасли, как угли под тонким слоем пепла.

Я попыталась приподняться.

Тело не послушалось сразу.

Нет, оно было моим — я чувствовала боль в локте, дрожь в коленях, ледяную влагу под платьем, — и всё же чужим. Слишком длинные пальцы. Слишком тонкие запястья. Тяжёлые волосы, выбившиеся из причёски и липнущие к щеке мокрыми прядями. Корсет или что-то похожее сдавливало рёбра так, что каждый вдох приходилось отвоёвывать. Юбка цеплялась за доски. На груди под расстёгнутым воротом висела маленькая металлическая пластина с выгравированным именем.

Я опустила подбородок, чтобы прочитать.

Наяра Локс.

Управляющая путевым узлом.

Я замерла, потому что слова были чужими, а страх — совершенно моим.

— Не давайте ей встать! — резко сказал мужской голос. — Она сейчас опять что-нибудь сделает!

Я успела только повернуть голову, и кто-то схватил меня за плечо.

Пальцы были жёсткие, в грубой перчатке. Я вскрикнула не от боли даже, а от неожиданности, дёрнулась, но меня удержали крепче. Надо мной склонился широколицый мужчина в форме, на которой серебрились пуговицы в виде крылатого колеса. На его шапке дрожал снег.

— Сидите, госпожа Локс, — сказал он, и в слове «госпожа» не было ни капли уважения. — Насмотрелись уже на ваши распоряжения.

— Отпустите, — выдавила я.

Голос прозвучал незнакомо.

Ниже моего. Хриповатее. С лёгкой срывистой ноткой, словно женщина, которой он принадлежал, недавно много кричала или плакала. Я инстинктивно коснулась горла, но мужчина перехватил моё движение и оттолкнул руку.

— Не трогайте знаки.

— Какие знаки? — спросила я и сразу пожалела.

Вокруг стало тише.

Не совсем тихо — перрон всё ещё жил бедой, люди спорили, кто-то стонал у стены, где ему помогали пересест на скамью, ветер бил в стеклянные двери вокзального здания, — но ближайшие ко мне лица вдруг обратились в одну сторону. Ко мне.

Женщина с шляпной коробкой перестала плакать. Носильщик замер с ремнём саквояжа в руках. Старик в длинном пальто, до этого чертивший пальцем знак на своей груди, прищурился так, словно моя фраза подтвердила всё самое худшее.

— Она издевается, — сказал кто-то. — Да как смеет?

— Память потеряла? — хмыкнул форменный мужчина, не отпуская моего плеча. — Очень вовремя.

Я поняла, что следующий неправильный вопрос может стоить мне дороже, чем первый.

Проблема была в том, что правильных у меня не осталось.

Я не знала, где нахожусь. Не знала, почему на мне чужое платье и чужое имя. Не знала, что случилось с вагоном, почему люди смотрят на меня так, словно я собственными руками столкнула их под колёса, и почему слово «Локс» в их устах звучит почти как приговор.

Зато я знала другое: если сейчас начну кричать, что я не Наяра, а Таисия, что мне надо домой, что всё это ошибка, меня либо сочтут безумной, либо решат, что я притворяюсь. И судя по лицам вокруг, второе им понравится больше.

Я сделала медленный вдох, нащупала под ладонью край скамьи, подтянулась и села. Голова тут же пошла кругом. Перрон качнулся, фонари размазались золотыми пятнами, и на одно страшное мгновение мне показалось, что рельсы под снегом шевельнулись, как огромные чёрные змеи.

Я зажмурилась.

Досчитала до четырёх.

Открыла глаза.

Рельсы лежали спокойно, зато на расписании за моей спиной вспыхнула новая строка.

«Последняя станция — задержка неопределена».

Буквы были багровыми.

— Вот, — прошептала женщина с шляпной коробкой. — Снова. При ней всегда так.

Форменный мужчина отступил на шаг, но руку держал рядом, готовый снова схватить. Он явно боялся меня, и от этого становилось ещё хуже. Ненависть я могла бы объяснить. Ненависть обычно рождается из боли, зависти, обиды, слухов, из чьей-то лжи. Но страх перед человеком,

который сам едва сидит на промёрзшем перроне и дрожит так, что зубы вот-вот застучат, — это уже что-то другое.

Ко мне протиснулся пожилой носильщик с сединой в усах. Он нёс потрёпанный плащ. На мгновение я решила, что он хочет накинуть его мне на плечи, и даже успела почувствовать благодарность, но носильщик остановился в двух шагах, сжал плащ в руках и процедил:

— Верните мой ключ, Локс.

— Какой ключ?

Он побледнел от злости.

— От багажной. Тот, что вы забрали утром, когда велели никого туда не пускать.

Утром.

Я утром покупала хлеб. Или собиралась. Перед глазами вспыхнула тёмная лестница моего подъезда, пакет в руке, запах дождя через открытую дверь, чья-то тень на площадке ниже. Дальше — пустота, в которую проваливалась память.

— Я не помню, — осторожно сказала я.

Несколько человек заговорили сразу.

— Конечно, не помнит!

— Локс всегда помнит только то, что выгодно.

— Из-за неё мой брат теперь...

— А где дети из третьего вагона?

Последняя фраза ударила по перрону сильнее ветра. Я резко повернулась к говорившей женщине. Та стояла у колонны, в дорожном платье с разорванным рукавом, и держала за руку девочку лет семи. Девочка молчала, слишком прямо, слишком по-взрослому глядя на перекошенный вагон, а женщина сжимала её пальцы так, что костяшки побелели.

— Какие дети? — спросила я, прежде чем успела себя остановить.

Форменный мужчина шумно выдохнул.

— Хватит, госпожа Локс.

— Я спрашиваю, какие дети, — повторила я, уже злясь.

Страх внутри не исчез, но к нему добавилось другое — горячее, упрямое. Меня обвиняли в беде, о которой я ничего не знала, а вокруг были люди, которым плохо сейчас, не в чьей-то чужой истории. И если я действительно оказалась в теле женщины, которую все ненавидят, мне хотя бы нужно понять, за что.

— Третий вагон, — сказала женщина у колонны. — Вы сами велели его отцепить. Сказали, что так безопаснее. А потом стрелка ушла под снег, и вагон исчез с пути. Ни крика. Ни света. Только пустой рельс.

Мои пальцы вцепились в край скамьи.

— Исчез?

— Не делайте вид, что слышите впервые.

Я хотела ответить, но в этот момент над перроном раздался глубокий удар гонга.

За первым ударом пришёл второй, за ним — третий.

Звук шёл не от колокола и не от часов. Он поднимался из-под платформы, из самой древесины, из рельсов, из стен вокзального здания. Доски подо мной завибрировали. Люди невольно стихли, а фонари вытянулись тонкими языками света.

Стеклянные двери вокзала распахнулись.

Оттуда вышли трое.

Впереди шёл мужчина в длинном чёрном пальто с меховым воротником. Невысокий, сухой, аккуратный до неприятного блеска: перчатки застёгнуты, воротник лежит ровно, сапоги не испачканы снегом, словно перрон сам расступался перед ним, не смея пачкать. Его лицо было узким, с острым подбородком и губами, которые даже в спокойствии казались недоволь-

ными. За ним семенил молодой писарь с доской для бумаг, а справа двигался высокий стражник с фонарём в руке.

Люди расступались перед ними охотно и испуганно.

— Рудольф Крамм, — прошептал кто-то рядом. — Столичный надзор.

Имя тут же легло в память тяжёлым камнем.

Крамм остановился напротив меня. Он не стал помогать мне подняться, не спросил, могу ли я стоять, не обратил внимания на кровь на моём виске — я заметила её только сейчас, когда тёплая влажная дорожка сползла к щеке и тут же остыла на ветру. Он просто склонил голову, осмотрел меня от растрёпанных волос до промокших ботинок и произнёс:

— Наяра Локс. Как символично, что вы снова оказались в центре беспорядка.

Я поднялась.

Не потому, что была готова. Ноги дрожали, голова ныла, платье тянуло вниз от снега и сырости. Но сидеть на досках под его взглядом казалось хуже. Я ухватила за спинку скамьи, выпрямилась и впервые ощутила, что это чужое тело выше, чем моё прежнее. Не намного, но достаточно, чтобы не чувствовать себя совсем раздавленной.

— Я хочу понять, что произошло, — сказала я.

Крамм едва заметно улыбнулся.

— Восхитительно. Именно это вы говорили утром перед отправлением рейса. Тогда вы тоже хотели «понять», почему предписания столичного надзора мешают вашим личным решениям.

— Я не помню утро.

Писарь за его спиной поднял голову.

У людей вокруг это вызвало новый ропот.

Крамм не удивился. И это насторожило меня сильнее, чем если бы он вспылil.

— Разумеется, — произнёс он. — Память госпожи Локс оставляет её в самые неудобные для закона минуты. Запишите, Левин: обвиняемая заявляет о провале памяти.

Писарь послушно закрипел пером по бумаге.

Я отметила слово «обвиняемая» и почувствовала, как холод внутри становится плотнее.

— В чём именно меня обвиняют? — спросила я.

— Кроме крушения рейса, нарушения расписания, самовольного изменения стрелочного пути, исчезновения третьего вагона, повреждения узловой печати и попытки скрыть сведения о Последней станции?

Список был длинным, и каждое слово звучало так, словно его уже не раз произносили заранее, с удовольствием подгоняя под нужный приговор.

— Да, кроме этого, — выдохнула я. — В чём по существу?

Кто-то в толпе фыркнул. Нервно. Даже с надеждой — людям всегда интересно, когда обвиняемый не падает на колени сразу.

Крамм чуть прищурился.

— У вас смелость или пустота в голове?

Я могла бы ответить резко. В своей прежней жизни, наверное, ответила бы: от страха я часто становилась язвительной. Но здесь каждое слово падало не на кухонный стол и не в переписку, которую можно закрыть, а на перрон, где десятки людей ждали, решат ли меня сейчас растоптать официально или дадут сделать это им самим.

Поэтому я выбрала осторожность.

— У меня есть право услышать обвинение так, чтобы понимать, за что меня судят.

Крамм развернулся к людям.

— Слышите? После всего, что произошло, госпожа Локс требует удобной формулировки.

— Я требую ясности, — сказала я.

И, к своему удивлению, услышала в собственном голосе не только страх.

Наверное, это был предел. Когда тебя вырывают из твоей жизни, бросают в чужое тело на холодный перрон и объявляют виновной в катастрофе, разум сначала цепенеет. Но потом в нём просыпается крошечная, упрямая часть, которая говорит: хорошо, паниковать будем позже, а сейчас хотя бы выясним, где выход.

Крамм снова повернулся ко мне.

— Ясность будет. Здесь же. Немедленно.

Он сделал знак стражнику. Тот поднял фонарь выше, и свет упал на ближайшую стену вокзала, где под слоем инея висела большая медная доска. Я сначала решила, что это ещё одно расписание, но потом увидела на ней строки, выбитые чёрными буквами, и подписи внизу. Документ. Или его магическая копия.

Писарь протянул Крамму лист.

— Согласно свидетельствам пассажиров, служащих узла и путевой стражи, — начал Крамм, — сегодня в шестнадцать часов двенадцать минут управляющая Наяра Локс без согласования с надзором изменила маршрут северного состава, следовавшего через промежуточный узел к Последней станции.

При словах «Последняя станция» по толпе прошёл странный шорох. Не просто страх. Суеверный ужас, смешанный с усталостью. Так произносят название места, куда никто не хочет попасть даже в рассказе.

— В шестнадцать часов девятнадцать минут, — продолжал Крамм, — третий вагон состава был отцеплен от основной линии. В шестнадцать часов двадцать две минуты он исчез с пути. В шестнадцать часов двадцать пять минут произошёл разрыв узловой печати. В результате повреждены перрон, багажная линия и часть расписания.

Я невольно обернулась к багровым строкам на доске.

Часть расписания.

Они говорили о нём так, словно расписание было не доской, а живым органом станции. И от этого становилось ещё тревожнее, потому что буквы действительно продолжали шевелиться.

— Где третий вагон? — спросила я.

— Именно это мы хотели бы узнать у вас, госпожа Локс.

— Я уже сказала, что не помню.

— А я уже записал, что вы так утверждаете.

Его спокойствие было хуже крика. Он словно не расследовал, а подводил итог хорошо знакомой пьесе, где мне досталась роль виновной, и никто не собирался переписывать финал.

— Есть доказательства, что это сделала я? — спросила я.

Крамм поднял руку, и писарь тут же передал ему небольшой металлический предмет. Он был похож на круглый жетон с прорезью посередине и тем же крылатым колесом, что на форме стражников.

— Ваш ключ управления стрелкой найден у повреждённого рычага.

— Я могла быть там до происшествия.

— Безусловно. Именно там вы и были.

— И кто это видел?

В толпе снова зашумели. Крамм наклонил голову набок, изучая меня внимательнее.

— Вы задаёте много вопросов для женщины, которая не помнит утро.

— Потому что от ответов зависит, переживу ли я вечер.

На этот раз смеха не было. Несколько человек отвернулись. Женщина с девочкой прижала ребёнка ближе, но в её лице мелькнуло что-то похожее на растерянность. Может, прежняя Наяра так не говорила. Может, говорила. Я не знала, и незнание становилось отдельной ловушкой.

— Вечер, — повторил Крамм, — вы переживёте. Столица не поощряет беспорядочные расправы на транспортных узлах.

Это должно было успокоить.

Не успокоило.

— А что поощряет столица?

— Пользу, госпожа Локс. Даже от тех, кто причинил вред.

Он говорил мягче, и от этой мягкости мне захотелось отступить, но за спиной была скамья, а дальше — рельсы и снег.

Крамм развернулся к медной доске. Провёл перчаткой по нижней строке. Буквы на документе дрогнули, перестроились, и я увидела новый текст. Он проявлялся прямо на металле, как решение, которое кто-то принял заранее, ещё до того как я поднялась с перрона.

— На основании временного распоряжения столичного надзора, — прочитал Крамм, — Найра Локс отстраняется от управления центральным путевым узлом до завершения расследования. Содержание под стражей заменяется исправительным назначением.

Толпа зашевелилась.

Я вцепилась пальцами в спинку скамьи.

Исправительное назначение звучало лучше, чем приговор. Ровно до тех пор, пока Крамм не продолжил:

— Обвиняемая направляется на северную границу для восстановления работы Последней станции.

На этот раз шум поднялся сразу.

— Туда?

— Да она оттуда не вернётся.

— Последняя давно закрыта!

— Не закрыта, — поправил кто-то старческий голосом. — Она ждёт.

Мне не понравилось это «ждёт».

Крамм дождался, пока возмущение немного уляжется, и продолжил так же ровно:

— Срок — один календарный месяц. Если за это время станция будет приведена в рабочее состояние, путевые книги восстановлены, долги зафиксированы, а регулярное сообщение подтверждено королевским ревизором, госпожа Локс получит право на повторное рассмотрение дела. Если нет — вина будет признана окончательно.

Я слотнула.

— То есть вы отправляете меня туда, где всё сломано, и за месяц требуете исправить то, что, судя по реакции людей, не могли исправить годами?

— У вас всегда был талант к неожиданным решениям.

— Это не ответ.

— Это шанс, — сказал Крамм. — Редкий. Незаслуженно щедрый.

В его голосе мелькнуло что-то, что плохо вязалось со словом «щедрый». Он не давал шанс. Он отправлял меня туда, где я должна была исчезнуть аккуратно, без шума, без разгневанной толпы и без лишних вопросов на этом перроне.

Я обвела взглядом людей.

Они не радовались. Те, кто ненавидел Найру Локс, должны были бы требовать наказания прямо здесь, но теперь многие молчали. Даже форменный мужчина с крылатым колесом на шапке отступил на полшага. Женщина с ребёнком смотрела на меня уже иначе — не мягче, нет, но в её злости появилась тень. Последняя станция пугала их больше, чем я.

— А если я откажусь? — спросила я.

Крамм отдал лист писарю.

— Тогда исправительное назначение будет заменено содержанием под стражей до окончательного суда. Учитывая тяжесть последствий, исход предсказать нетрудно.

Вот и выбор.

Дверь с одной стороны. Пропасть с другой. И обе ведут не домой.

Я хотела сказать, что это ошибка. Что я не Наяра. Что моё имя Таисия Рель, что у меня нет ни малейшего понятия, как управлять магической станцией, восстанавливать расписание и искать исчезнувший вагон. Но слова застряли в горле, потому что рядом стояли люди, которым было больно по-настоящему. Их потери не становились менее реальными оттого, что я не была той женщиной, которую они винили.

И ещё потому, что Крамм ждал именно этого.

Он ждал истерики. Нелепых объяснений. Безумных заявлений о другом мире. Ждал, когда я сама подарю ему удобную причину закрыть дело.

Я опустила глаза к своим ладоням.

Тонкие пальцы. Чужие кольца. Ссадина на костяшке. Под ногтем чёрная полоска угольной пыли.

Наяра Локс.

Таисия Рель.

Если я хотела выжить, мне придётся на время стать той, чьё имя сейчас спасало и губило меня одновременно.

— Мне нужны документы, — сказала я.

Крамм моргнул.

Впервые за всё время его спокойствие дало трещину.

— Что?

— Вы отправляете меня управлять станцией. Значит, мне нужны документы о её состоянии, список служащих, долговые книги, карта путей, сведения о последних рейсах и письменное подтверждение срока. Иначе через месяц вы легко скажете, что я не выполнила то, чего мне даже не передали.

Писарь перестал писать.

Форменный мужчина у скамьи кашлянул, пряча неожиданную реакцию. В толпе кто-то тихо пробормотал:

— Вот же...

Не знаю, что именно было в этом бормотании: восхищение, раздражение или надежда, что меня всё-таки прижмут к стене. Но я уловила главное — прежняя Наяра, возможно, была неприятной, но глупой её не считали. Значит, этот тон мог сойти за её привычный. Или за ударившее по голове упрямство.

Крамм несколько секунд молчал, а потом медленно растянул губы.

— Разумеется. Столица действует по закону.

Я почти услышала невысказанное: пока закон удобно держать за горло другого.

— И ещё, — добавила я, пока он не успел снова перехватить разговор. — Мне нужен сопровождающий до места.

— Вам будет предоставлен северный рейс.

— Я говорю о человеке, который доведёт меня до станции живой и передаст назначение местным служащим. Судя по тому, что люди думают о Последней станции, там моему слову не поверят.

Крамм отвёл глаза к писарю. Тот замялся.

— На месте распоряжение подтвердит путевой смотритель.

— Его имя?

Писарь пролистал бумаги.

Крамм ответил раньше него:

— Местный смотритель давно не присылал отчётов. Формально обязанности принимает старший служащий, если таковой обнаружится.

Если обнаружится.

Замечательно.

Я вдохнула холодный воздух и почувствовала, как он обжигает горло. В этом мире даже бюрократия была с привкусом снежной ямы.

— Тогда запишите, что я принимаю назначение под протокол, — сказала я. — И что требую передать мне все бумаги до отправления.

— Вы не в положении требовать.

— Зато в положении отвечать через месяц. Значит, начну с того, что можно проверить. Мы встретились взглядами.

Да, вот тут слово просилось само, но я не стала думать о взгляде как о дуэли, потому что дуэли бывают красивыми, а это было грязнее и проще. Передо мной стоял человек, который хотел, чтобы я исчезла на северной границе, и я не знала пока, почему. Но по тому, как он чуть сильнее сжал перчатки, поняла: мой вопрос про бумаги ему не понравился.

— Запишите, — наконец сказал он писарю.

Перо снова закрипело.

Люди начали расходиться не сразу. Сначала они стояли, прислушиваясь, словно ожидали, что медная доска передумает, расписание заговорит человеческим голосом или меня всё-таки уведут. Потом холод и усталость победили. Пострадавших стали переводить в зал ожидания. Носильщики поднимали багаж. Кто-то ругался, кто-то тихо плакал, кто-то молча искал на снегу свои вещи.

Меня не трогали.

Это было не свободой, а короткой паузой между ударами.

Форменный мужчина, тот самый, что держал меня за плечо, отвёл меня к стене вокзала и буркнул:

— Сидите здесь. Без распоряжений.

— Я и не собиралась командовать.

Он смерил меня тяжёлым взглядом.

— Вы всегда собираетесь.

И ушёл.

Я осталась на скамье под навесом. Снег залетал под крышу мелкими иглами, оседал на юбке и таял от тепла тела. Рядом кто-то поставил кружку с водой. Не знаю кто — я не заметила. Металл кружки был ледяным, и вода пахла жостью, но я всё равно сделала несколько глотков. Горло перестало саднить.

Надо было думать.

Не плакать, не кричать, не сидеть с открытым ртом, а думать.

Факты.

Я — Таисия Рель. Или была ею. Сейчас тело Наяры Локс. Наяра управляла каким-то путевым узлом. Произошла катастрофа с рейсом. Третий вагон исчез. Люди винят Наяру. Крамм слишком быстро оформил не казнь и не тюрьму, а ссылку на Последнюю станцию. Значит, либо ему выгодно убрать Наяру от этого места происшествия, либо Последняя станция сама важна в этой истории.

Ещё — билет.

Я вдруг вспомнила, что в описании назначения прозвучало «северный рейс». Поезд. Дорога. Станция. Всё крутилось вокруг пути. Если в этом мире магия связана с дорогами, билет может быть не просто бумажкой. Билеты здесь, наверное, значат больше, чем у нас. Хотя у нас тоже: без билета никуда не пустят, с неправильным — отправят не туда, а с потерянным будешь стоять на платформе и ругаться на судьбу.

Самоирония на секунду мелькнула и погасла. Слишком холодно было для шуток. Но она помогла мне зацепиться за себя прежнюю. Таисия Рель ещё была где-то внутри, не растворилась в Наяре Локс и в чужом страхе.

Я провела ладонью по карманам платья.

Первый оказался пустым. Во втором нашлась связка ключей — три маленьких, один длинный, один плоский и тёмный, с едва ощутимым теплом в металле. Я не стала доставать их полностью, только запомнила. Если тот носильщик говорил правду, среди них мог быть ключ от багажной. Или ещё от чего-нибудь, за что меня захотят обвинить.

В третьем кармане лежал носовой платок, смятый листок с обрывком записи и маленькая круглая монета с отверстием. Листок я развернула первой.

Чернила расплылись от снега, но несколько слов читались.

«...не верить Крамму...»

Ниже — короткая строка, оборванная на середине:

«Если стрелка уйдёт под снег, ищи...»

Дальше бумага была разорвана.

Я почувствовала, как по спине проходит неприятный холод, уже не от ветра.

Прежняя Наяра что-то знала.

И если она писала себе «не верить Крамму», значит, моё первое впечатление о нём было не просто испуганной неприязнью.

— Госпожа Локс.

Я вздрогнула и быстро сжала листок в кулаке.

Передо мной стоял писарь. Молодой, узкоплечий, с покрасневшим от мороза носом. Доску с бумагами он прижимал к груди так, словно боялся, что я отниму её силой.

— Мне велено передать вам копию распоряжения, — сказал он. — И временный пропуск до северного рейса.

— Спасибо.

Он протянул бумаги, но не отпустил сразу.

— Там... — Он замялся. — Там всё равно никто долго не выдерживает.

— На Последней станции?

Писарь кивнул и тут же оглянулся на Крамму, который разговаривал у медной доски со стражником.

— Почему?

— Расписание там не держится. Платформы путают людей. Багаж возвращается не к тем. Рейсы приходят, когда хотят. А иногда приходят те, которых нет.

— Поезда?

Он сглотнул.

— Не всегда.

Очень хотелось попросить уточнить. Очень. Но писарь уже испугался собственной разговорчивости. Ещё один вопрос — и он убежит или сообщит Крамму, что Наяра опять выпрашивает то, что ей «положено знать».

Я отпустила бумаги и сказала только:

— Как вас зовут?

Он удивился.

— Левин.

— Спасибо, Левин. За предупреждение.

Он покраснел ещё сильнее, пробормотал что-то невнятное и поспешил прочь.

Я опустила взгляд на распоряжение.

Текст был написан витиевато, с множеством печатей и оборотов, которые, наверное, считались очень законными. Суть оставалась прежней: Наяра Локс отправляется на Последнюю станцию. Срок — месяц. Контроль — королевский ревизор Остен Грай.

Остен Грай.

Имя было незнакомым, но внизу распоряжения стояла приписка: «Предварительное заключение ревизора Грая о состоянии северного пути приобщить по прибытии».

То есть там меня ждёт ещё один человек, который, возможно, уже решил, что я виновата. Прекрасно, Таисия. Новый мир встретил тебя снегом, обвинением и мужчиной, чью подпись ты ещё не видела, но уже немного боишься.

Я сложила бумаги и спрятала их за корсаж, туда, где они не выпадут. Движение вышло неловким, чужое платье мешало, но я справилась. Потом разжала кулак, чтобы снова взглянуть на обрывок записи.

«Если стрелка уйдёт под снег, ищи...»

Что искать? Где? Кого?

Я сунула обрывок к распоряжению.

Над перроном снова зашевелилось расписание. Багровая строка о Последней станции потускнела, зато ниже проступила новая:

«Северный рейс. Отправление после седьмого удара».

До седьмого удара оставалось, видимо, немного, потому что люди вокруг засуетились быстрее. Перрон начали освобождать. Повреждённый вагон отводили в сторону с помощью странных низких машинок, похожих на чугунных жуков на колёсиках. Они пыхтели, тянули цепи и послушно останавливались, когда один из служащих щёлкал пальцами у них над корпусом.

Я поднялась со скамьи.

Тело всё ещё дрожало, но уже не так сильно. Холод проник под платье, волосы подсыхали неприятными мокрыми прядями, голова болела глухо, терпимо. Я не знала, что будет через час, но оставаться на месте больше не могла. Пока я сидела, мир решал за меня. А я всегда плохо переносила, когда за меня решали, даже в гораздо менее опасных обстоятельствах.

Сначала надо найти багаж Наяры.

Если меня отправляют на северную границу, у этой женщины должны быть вещи. Или хотя бы что-то, что расскажет о ней больше, чем злые голоса.

Я подошла к носильщику с седыми усами. Он как раз поднимал чей-то сундук.

— Вы спрашивали ключ от багажной, — сказала я.

Он медленно повернулся.

— Вспомнили?

Я могла соврать. Но не знала, какой именно ответ Наяра дала бы раньше.

— Нашла связку. Не знаю, какой ваш.

Его лицо стало подозрительным.

— С чего это вы вдруг не знаете свои ключи?

— С того, что меня ударило о перрон, а вы все ждёте от моей головы работы лучше, чем у расписания.

Седые усы дрогнули. Не улыбка, нет. Но что-то близкое к невольной реакции.

— Тимон Клещ, — сказал он. — Старший носильщик. Пока ещё.

— Наяра Локс, — ответила я и сама удивилась, как ровно это прозвучало. — Тоже пока ещё.

Он хмыкнул.

— Багажная там. Если вы не забыли дорогу.

— Забыла.

Сказала — и выдержала его взгляд. Пусть делает выводы какие угодно. Мне сейчас полезнее казаться ушибленной и странной, чем всезнающей и виновной.

Тимон почесал подбородок, потом махнул рукой.

— Идёмте. Только если опять дверь заклинит, я внутрь первым не лезу.

— А раньше лезли?

— Раньше вы говорили, что у меня голова крепкая и для станции годится.

Вот это было почти похоже на Наяру. Колкую, неприятную, распоряжающуюся людьми как инструментами. Или просто уставшую женщину, которую все привыкли считать злодейкой, потому что так удобнее.

Мы прошли вдоль перрона к низкой двери под навесом. Пока шли, я старалась запоминать всё: где касса, где зал ожидания, где выход к площади, как расположены рельсы, сколько служащих в форме, кто избегает меня, кто следит слишком внимательно. У дверей зала ожидания стояла женщина в тёмном платке и раздавала людям кружки с горячей водой. Она заметила меня, поджала губы, но ничего не сказала.

— Это кто? — спросила я у Тимона.

— Агата Вьюн. Буфет держит. Или держала, пока после ваших распоряжений половина припасов не ушла в неведомую дыру.

Я устала вздрагивать от каждого «ваших распоряжений», но внутри всё равно болезненно сжалось.

— Она меня ненавидит?

— Агата всех ненавидит, кто мешает ей кормить людей вовремя. Вас — особенно.

— Обнадёживает.

Тимон покосился на меня.

— Вы сегодня странная, госпожа Локс.

— День располагает.

Он снова хмыкнул и открыл дверь багажной плоским ключом, который сам выбрал из моей связки. Я запомнила: тёмный с тремя насечками.

Внутри пахло кожей, пылью, снегом и старыми билетами. Багажная оказалась узкой комнатой с высоким потолком, полками до самой крыши и медными табличками. Чемоданы стояли рядами, но некоторые лежали раскрытыми, словно их в спешке обыскивали. На полу виднелись следы — мокрые, грязные, разные. Значит, после происшествия сюда входили не один раз.

— Мои вещи? — спросила я.

Тимон указал на дальний угол.

— Ваш сундук там. Никто не трогал. Не рискнули.

— Почему?

— Он укусил младшего носильщика.

Я остановилась.

— Сундук?

— А кого ещё? — Тимон сказал это таким тоном, словно кусачие сундуки были самой обычной рабочей неприятностью. — Я же говорил вам не покупать дорожные замки у южных мастеров. Красиво, а характер мерзкий.

Я подошла к сундуку осторожно.

Он был тёмно-зелёный, с металлическими углами и двумя замками в виде звериных морд. Морды действительно выглядели недружелюбно. Одна приоткрыла пасть, когда я приблизилась, и показала маленькие медные зубы.

— Не надо, — сказала я ей.

Тимон поперхнулся.

— Вы с ним разговариваете?

— А как вы предлагаете общаться с багажом, который кусается?

Сундук щёлкнул зубами, но крышку не открыл.

Я присела рядом, чувствуя себя одновременно нелепо и до ужаса серьёзно. Если этот мир собирался проверять меня на прочность через мебель с зубами, пусть хотя бы начнёт с правил.

На связке нашёлся маленький ключ с зелёным камешком. Замки сундука повернули к нему морды. Я вставила ключ. Зубы сомкнулись рядом с пальцами, но не коснулись кожи. Крышка поднялась.

Внутри лежали сложенные платья, дорожные перчатки, расчёска, несколько книг в тёмных переплётах, кошель с монетами и плоская шкатулка. Я взяла шкатулку первой. Тимон деликатностью не отличался, но всё же отвернулся к полкам, делая вид, что проверяет багажные бирки.

В шкатулке оказались письма.

Много писем.

Все перевязаны серой лентой. На верхнем конверте — почерк острый, уверенный:

«Н. Локс. Лично. Если меня задержат, не передавать через надзор».

Подписи не было.

Я не стала открывать письмо при Тимоне. Вернула его в шкатулку, взяла кошель и одну тёплую шаль. Деньги пригодятся. Шаль тоже. Особенно если Последняя станция встретит меня так же приветливо, как этот перрон.

— Мне нужно переодеться? — спросила я, глядя на промокрый подол.

— До рейса не успеете. Разве что шаль накиньте. На севере хуже будет.

— Хуже, чем здесь?

Тимон посмотрел на меня так, словно я спросила, мокрая ли вода.

— Здесь центральный узел, госпожа Локс. Тут ещё тепло.

Я накинула шаль и почувствовала, как мягкая шерсть ложится на плечи. Стало неудобно уютнее. Чужая вещь, чужое тело, чужая вина — но тепло оказалось простым и понятным.

Когда мы вышли из багажной, на перроне уже готовили северный рейс. Поезд стоял у второй платформы: тёмные вагоны с узкими окнами, крыши под снегом, на дверях — знаки крылатого колеса и северной звезды. Из трубы поднимался не дым, а бледное сияние, которое растворялось в небе. Люди обходили состав стороной, хотя он не был повреждён. Рядом с первым вагоном стоял стражник с фонарём и проверял пропуски.

Крамм ждал меня у дверей.

Рядом с ним — писарь Левин и двое служащих. Один держал папку, другой — небольшой ящик с печатями.

— Госпожа Локс, — сказал Крамм. — Ваше усердие в багажной похвально, но время вышло.

— Мои документы?

Папку мне передали не сразу. Крамм положил ладонь сверху.

— В ней распоряжение, список известных долгов Последней станции, неполная карта северного пути, а также копия последнего отчёта ревизора Грая.

— Неполная карта?

— Полная утеряна.

— Утеряна кем?

— Последней станцией, вероятно.

Я поймала себя на том, что уже не удивляюсь станции, которая может что-то утратить сама. Плохо. К этому нельзя привыкать слишком быстро, иначе перестану замечать опасное.

— А служащие?

— Если кто-то ещё служит там, они будут обязаны подчиняться вашему назначению.

— Если?

Крамм убрал ладонь с папки.

— Вы задаёте вопросы, на которые получите ответы на месте.

Я взяла бумаги.

— Или не получу.

— Это уже будет частью вашего испытания.

Он говорил почти ласково. И вдруг я поняла: он действительно рассчитывает, что Последняя станция сделает за него всю грязную работу. Не убьёт обязательно. Может, ломает.

Уничтожит репутацию окончательно. Заставит ошибиться. Превратит месяц в длинное доказательство моей беспомощности.

А если прежняя Наяра знала, что Крамму нельзя верить, значит, ехать туда всё равно надо.

Потому что ответы были не здесь.

— Передайте комиссии, — сказала я, прижимая папку к груди, — что я приняла назначение.

— Комиссия услышала.

— И пусть запишут, что я намерена вернуться.

Левин поднял голову так резко, что перо едва не выпало из его пальцев.

Крамм улыбнулся.

— С Последней станции возвращаются многие, госпожа Локс. Вопрос только — в каком виде.

Я не стала отвечать. Бывают фразы, которые лучше не поднимать с земли. Испачкаешь руки, а толку никакого.

Стражник проверил мой пропуск и отступил. Дверь вагона открылась сама, мягко, без скрипа. Внутри горел тёплый свет. Узкий коридор пах деревом, сухими травами в старых подушках сидений и снегом, который пассажиры принесли на сапогах. Я поднялась по ступеням и на мгновение задержалась в дверях.

Перрон жил после катастрофы.

Кто-то всё ещё искал свои вещи. Агата Вьюн раздавала воду и командовала людьми так, что даже стражники двигались быстрее. Тимон Клеш у багажной поймал мой взгляд и, не улыбаясь, коснулся двумя пальцами края шапки. Марта Сквозняк — я ещё не знала её имени тогда, но запомнила строгую женщину в форме проводницы — стояла у повреждённого вагона и записывала номера уцелевших дверей. Женщина с девочкой больше не смотрела на меня. Девочка же смотрела. Очень внимательно.

Я хотела сказать ей что-то.

Что я найду третий вагон. Что я не знаю, виновата ли Наяра, но я не оставлю это так. Что дети не должны исчезать из вагонов, а взрослые — прятаться за бумагами.

Но обещания на перроне стоят дёшево, если за ними нет пути.

Я вошла в вагон.

Дверь закрылась.

Снаружи прозвучал четвёртый удар гонга, затем пятый. Поезд дрогнул, но ещё не тронулся. Я нашла своё купе по номеру на пропуске. Оно оказалось маленьким, с узкой скамьёй, столиком под окном и занавеской цвета старого вина. На столике стояла лампа, в стекле которой светился крошечный огонёк. Окно было затянуто морозными узорами. Сквозь них перрон расплывался в пятна света и теней.

Я опустилась на скамью.

И только тогда позволила рукам задрожать.

Не сильно. Не так, чтобы не справиться. Просто тело наконец получило несколько секунд, когда никто не тянул, не обвинял, не ждал ответа. Я сидела в чужом вагоне, в чужой одежде, с чужим именем и папкой документов на коленях, а где-то очень далеко — или уже недостижимо — осталась моя прежняя жизнь.

Я представила свою квартиру. Кружку с отколотой ручкой. Окно. Хлеб, за которым так и не вышла.

Стало так больно, что пришлось прикусить губу.

Нет, Таисия. Сейчас нельзя.

Плач — потом. Если будет время. Если будет место. Если найдётся подушка, которую не стыдно намочить слезами в мире, где даже сундуки кусаются.

Я развязала папку.

Внутри действительно были документы: распоряжение, карта, листы с цифрами, отчёт с подписью «О. Грай». Почерк у Остена Грая был ровный, с сильным нажимом. Такой почерк бывает у людей, которые привыкли, что линия должна идти туда, куда они её ведут.

Последняя станция в его отчёте описывалась коротко, но каждое слово звучало приговором.

«Платформы нестабильны. Расписание не подчиняется внешнему согласованию. Кассовые книги отсутствуют. Багажная служба не подтверждена. Смотритель не найден. Станционный узел отвечает выборочно. Рекомендация: закрыть сообщение до полного выяснения причин отклонений».

Станционный узел отвечает выборочно.

Я провела пальцем по этой строке.

— Значит, ты отвечаешь, — прошептала я. — Вопрос только кому.

Поезд качнулся.

Шестой удар гонга прокатился по вагону, заставив лампу мигнуть.

Я отложила отчёт и достала из-за корсажа обрывок записи. «Если стрелка уйдёт под снег, ищи...» Никакого продолжения. Я повернула листок. На обороте проступали следы чернил, но разобрать не получалось. Нужен свет сильнее. Или спокойствие. Лучше оба, но поезд на северную границу явно не выдавал их пассажирам по требованию.

Я полезла в карман за связкой ключей, чтобы спрятать обрывок в шкатулку, и пальцы наткнулись на что-то новое.

Не ключ.

Не монета.

Плотная бумага.

Я нахмурилась и вытащила предмет наружу.

Это был билет.

Старый, чуть тёплый, с плотными краями, словно его много раз держали в руках. На нём не было даты, номера вагона, цены или печати станции отправления. Только тонкая серебряная линия проходила по краю, а в центре чернели две строки.

Пассажир: не указан.

Пункт назначения: Дом.

Я долго смотрела на это слово. Оно было написано просто, без украшений и угроз, но от него у меня перехватило дыхание сильнее, чем от обвинений Крамма.

Дом — не как адрес, не как станция прибытия, а как вопрос, на который я ещё не знала ответа.

Не моя квартира. Не этот поезд. Не центральный узел, где люди называли меня виновницей катастрофы. И, наверное, не та Последняя станция, куда меня отправили как на край света.

Или всё-таки она?

За окном прозвучал седьмой удар.

Поезд тронулся так плавно, что лампа на столике даже не дрогнула. Перрон поплыл назад, фонари вытянулись в золотые линии, люди стали тенями за морозным стеклом. В самый последний миг я увидела, как на далёкой медной доске расписания вспыхнула новая строка.

Она была слишком далеко, чтобы прочитать полностью.

Но одно слово я узнала.

«Дом».

Билет в моих пальцах нагрелся.

А поезд унёс меня на север, туда, где Найра Локс потеряла всё, и где мне предстояло решить, кем я стану, если прежней Таисии Рель больше некуда возвращаться.

Глава 2. Станция, которую все прокляли

Поезд увозил меня на север так плавно, что в первые минуты казалось: это не я уезжаю от прежней жизни, а прежняя жизнь сама отступает за морозным стеклом, оставляя после себя только золотые полосы фонарей, тёмные пятна людей на перроне и слово «Дом», которое всё ещё хранило тепло в моих ладонях.

Билет лежал на коленях поверх папки с распоряжением. Его плотная бумага грелась у пальцев, и это тепло было неприятно живым, настойчивым, словно билет не просто сообщал пункт назначения, а терпеливо ждал, когда я наконец соглашусь с тем, что он знает обо мне больше, чем я сама.

Я провела большим пальцем по серебряной линии на краю. Она не стиралась, не царапалась, не тускнела. Наоборот, от прикосновения тонкая нить вспыхнула яснее, и буквы в центре на миг стали глубже.

Пункт назначения: Дом.

— Очень смешно, — сказала я ему.

Билет, разумеется, не ответил. В этом мире даже расписание умело менять строки, сундуки кусались, а железные машинки тянули вагоны, но мой личный билет предпочитал молчать. Умный, наверное. Молчание тут явно было безопаснее откровенности.

Я убрала его во внутренний карман платья, рядом с обрывком записки Наяры. Сунуть всё в шкатулку было бы разумнее, но шкатулка лежала в сундуке, сундук отправился в багажный вагон, а я уже поняла: в новом мире разумное часто уезжает отдельно от тебя.

Папку Крамма я раскрыла снова.

Нужно было читать, пока руки заняты бумагами. Если дать им без дела лежать на коленях, они снова начнут дрожать, а вместе с ними задрожит и всё остальное: грудь, горло, память, в которой вместо нормального объяснения зияла тёмная лестница моего подъезда и чужая тень ниже пролётом.

Нет. Сейчас — документы.

Строки в распоряжении ползли перед глазами, витиеватые, тяжёлые, с печатями и оборотами, за которыми пряталась очень простая мысль: меня отправляют туда, где никто не ждёт, никто не верит, никто не поможет, а через месяц вернут виновной, если я не сотворю чудо. Причём чудо хозяйственное: восстановить станцию, путевые книги, долги, рейсы и доверие к месту, которое люди на центральном узле произносили с таким лицом, какое у нас бывало у соседей при словах «капитальный ремонт».

Я перелистнула отчёт Остена Грая.

«Платформы нестабильны».

Хорошее начало. Платформа — вещь, от которой обычно ждёшь хотя бы одного достоинства: чтобы она находилась там, где её построили.

«Расписание не подчиняется внешнему согласованию».

То есть, если я правильно понимала, расписание там имело характер. Я уже видела подобное на центральном узле, но там оно хотя бы изображало трудовую дисциплину.

«Кассовые книги отсутствуют».

Деньги исчезли. Или их прятали. Или книги съели станционные стены, что в этом мире тоже нельзя было исключать без проверки.

«Багажная служба не подтверждена».

Судя по тому, что сундук Наяры кусался, багажная служба могла сама не подтверждать никого.

«Смотритель не найден».

Вот это звучало хуже всего.

Потому что у станции должен быть кто-то, кто знает, где лежат ключи, чем топить зал ожидания, кому платить за уголь, как открыть кассу, когда приходит рейс и почему третью платформу все вспоминают с таким выражением, словно она не платформа, а родственница, которую нельзя позвать на праздник, но она всё равно явится.

Смотритель не найден.

Я закрыла отчёт и прислонилась затылком к стенке купе. Дерево за спиной было тёплым, под вагоном ровно стучали пути, лампа на столике покачивалась в такт движению. Снаружи за окном уже не было перрона. Только снег, редкие огни и тёмные стволы деревьев, которые пролетали мимо вертикальными штрихами.

Где-то там, впереди, меня ждала Последняя станция.

Где-то позади осталась катастрофа, исчезнувший третий вагон, дети, женщина с девочкой, Крамм, багровые строки расписания и прежняя Наяра, которая успела написать себе: «не верить Крамму».

А я сидела между всем этим, как пассажир без имени в билете без даты.

Смешно было бы, не будь так страшно.

В коридоре хлопнула дверь.

Я вздрогнула и прижала папку к груди. Шаги приближались: тяжёлые, уверенные, с лёгким шарканьем, словно человек нёс что-то неудобное и ругался про себя. Затем кто-то остановился возле моего купе и без стука отдёрнул занавеску.

На пороге стояла Агата Вьюн.

В первой главе моей новой жизни — если можно так назвать перрон, обвинения и бегство на север — я запомнила её женщиной в тёмном платке, которая раздавала людям воду так властно, что даже стражники слушались. В вагоне она выглядела ещё внушительнее: крепкая, широкоплечая, в дорожной кофте, с корзиной в руках и лицом человека, которому весь мир мешает делать нормальную работу.

— Живая? — спросила она.

— Пока да.

— Значит, пить сможете.

Она поставила на столик кружку. От неё поднимался пар. Я сразу почувствовала запах прогретых ягод, сухой корицы и горячего металла. Никакой торжественной заботы, никакой липкой жалости — просто горячий напиток, от которого у меня неожиданно защемило глаза.

— Спасибо, — сказала я.

Агата поджала губы.

— Не благодарите раньше времени. Это не забота. Это расчёт. Если вы свалитесь по дороге, Крамм повесит на нас ещё и перевозку бесполезного тела. А у меня своих хлопот хватает.

Вот она, живая женская речь. Никаких красивых сочувствий, зато честнее любого утешения.

Я обхватила кружку ладонями. Тепло впилося в пальцы так приятно, что пришлось сдержаться, чтобы не вздохнуть вслух.

— Почему вы едете со мной? — спросила я.

Агата уселась напротив без приглашения. Купе сразу стало теснее.

— Потому что мы числимся за Последней станцией.

— Мы?

— Я, Клеш и Сквозняк. Крамм утром выдернул нас на центральный узел давать показания по вашему рейсу. А теперь, раз уж вы такая ценная назначенная хозяйка, нас возвращают вместе с вами. Чтобы было кому встретить вас хлебом, солью и списком проклятий на три страницы.

— Проклятий?

— Это выражение, госпожа Локс. Хотя с нашей станцией никогда нельзя быть уверенной.

Я отпила из кружки. Горячее питьё обожгло язык, но приятным, бытовым образом, совсем не как тот морозный воздух, который драл горло на перроне. Вкус оказался терпким, с лёгкой сладостью.

— Значит, вы там работали?

Агата склонила голову и уставилась на меня так, что вопрос тут же стал ошибкой.

— Работала, — сказала она. — Как и Клеш. Как и Марта. До тех пор, пока станция не начала сходить с ума, жалование не перестали присылать, а люди не решили, что проще обходить наш край десятой дорогой. Вы это прекрасно знаете.

Я удержала кружку обеими руками.

— Допустим, удар о перрон всё-таки сделал своё дело.

— Удобный удар.

— Очень. Особенно с учётом ссылки.

Агата фыркнула. Не поверила. Но и спорить не стала.

— Станция не любит пустые вопросы, — сказала она после паузы. — Если хотите там выжить, меньше спрашивайте так, словно вчера родились, и больше делайте вид, что проверяете нас.

— То есть мне нужно притворяться Наярой Локс?

— Вам нужно не давать людям повода решить, что вы слабее прежней Наяры Локс. Слабых там не жалеют. Сильных, впрочем, тоже, но с ними хотя бы разговаривают перед тем, как обойти.

Я запомнила это.

В этом мире мне уже несколько раз пытались объяснить жизнь угрозами, документами и слухами, но Агата первой дала практический совет. Неприятный, колючий, зато полезный.

— Хорошо, — сказала я. — Тогда начнём с дела. Что на станции есть?

— Стены. Дыры в крыше. Три печи, из которых одна дымит в зал, другая греет чердак, а третья обиделась на людей ещё до моего рождения. Касса без денег. Буфет без нормальных поставок. Расписание, которое исправляет само себя и нас заодно. Багажная, где вещи возвращаются не к тем владельцам. Платформы.

— Все три?

— Когда как.

— Что значит «когда как»?

— Это значит, что первая обычно на месте, вторая любит путать прибывших, а третья появляется, когда ей вздумается. Или когда кому-то очень не надо туда идти.

Я сделала ещё глоток. Очень хотелось приписать услышанное к последствиям удара по голове, но, к несчастью, весь день доказывал обратное.

— Люди там есть? Посёлок, дома, служащие?

— Посёлок есть. Называется Пристанционный, хотя давно надо переименовать в «Не подходи ближе». Остались лавочник, кузнец, две семьи путевых мастеров, вдова смотрителя, пятеро ребят, которые таскают дрова и делают вид, что работают на станции, когда не сбегают. Ещё сторож Пахом, но он сторожит в основном свою лавку с инструментом и наши нервы.

— А местный смотритель?

Лицо Агаты изменилось. Не сильно, но я заметила, как она переставила корзину ближе к себе.

— Не найден, — сказала она, повторяя формулировку отчёта.

— Это я читала. Что значит на самом деле?

— То, что написано.

— Агата.

Имя сорвалось само. Без «госпожа Вьюн», без осторожности. Она сразу подняла брови.

— Мы с вами уже на имена?

— Нет. Я просто пытаюсь понять, где могу провалиться в первую же яму. Если у станции нет смотрителя, кто открывает главный зал, кто держит ключи, кто собирает выручку, кто отвечает за печи и путевые книги?

— Никто, — сказала Агата. — Именно поэтому я и принесла вам питьё. Хотела посмотреть, дрожат ли у вас руки от холода или от осознания.

— И что решили?

— Решила, что вы лучше держите кружку, чем прежние решения.

Это было не похвалой. Но, возможно, уже не полным презрением.

По коридору прошёл кто-то ещё. Занавеска снова шевельнулась, и в проёме появился Тимон Клеш. Его седые усы были влажными от снега, на плече висел ремень дорожной сумки, а под мышкой он держал мой зелёный кусачий сундук так осторожно, как держат вредного кота, который в любой момент вспомнит о своих принципах.

— Ваше имущество, госпожа Локс, — объявил он. — Замки шипели на багажного мальчишку, поэтому я решил, что лучше отдать вам. Если кого и кусать, так хозяйку.

— Как благородно.

— Я в зрелом возрасте берегу руки.

Он поставил сундук у стены. Замки недовольно щёлкнули зубами, но не раскрылись.

За Тимоном стояла Марта Сквозняк.

На центральном узле я запомнила её как строгую женщину в форме проводницы, которая записывала номера уцелевших дверей у повреждённого вагона. Вблизи она оказалась моложе, чем показалась издали, но лицо у неё было собранное, сдержанное, без привычки тратить выражения зря. Тёмные волосы убраны под форменную шапочку, на груди — тот же знак крылатого колеса, только потёртый по краям.

— До прибытия два часа сорок минут, — сказала она. — Северный путь свободен до старого семафора. После него расписание может измениться.

— Может? — уточнила я.

— Обязательно изменится. Вопрос — насколько.

Агата встала.

— Вот видите, Наяра. Даже дорога к Последней станции не умеет ехать нормально.

Я перевела внимание с одного лица на другое. Агата — колючая и хозяйственная. Тимон — настороженный, с юмором, который прикрывает усталость. Марта — молчаливая, точная, с глазами человека, который видел слишком много странностей и перестал удивляться не потому, что не боится, а потому что так проще работать.

Эти трое не были моими союзниками.

Но они знали станцию. А значит, на ближайшее время были мне нужнее, чем уверенность, которой у меня всё равно не было.

— Тогда расскажите мне правила, — сказала я.

Тимон присвистнул.

— Какие именно? У станции их много. Часть она придумывает по настроению.

— Те, за нарушение которых меня съест первая же дверь.

Марта впервые задержалась рядом с занавеской, не уходя.

— Двери не едят, — произнесла она. — Они запирают.

— Отлично. Это успокаивает.

— Зря, — вставила Агата. — Запертая дверь на Последней станции хуже голодной.

Я могла бы попросить не пугать меня так старательно, но, честно говоря, они и сами выглядели людьми, которые едут не домой, а обратно на старую рану. Никто из них не радовался возвращению. Даже Тимон, пытавшийся держаться весело, время от времени трогал рукой карман жилета, словно проверял что-то важное.

Марта вошла в купе и закрыла занавеску. Поезд покачнулся, за окном мелькнули чёрные ели, и шум колёс стал глуше, глубже.

— Первое правило, — сказала она. — Не спорить с расписанием вслух.

— Оно обижается?

— Оно запоминает.

Я почему-то сразу поверила.

— Второе, — продолжила Марта. — Не выходить на третью платформу без фонаря.

— Даже днём?

— Особенно днём, если она появилась не по рейсу.

— Третье, — сказал Тимон, устраиваясь у двери. — Не отдавать багаж тому, кто не может назвать, что внутри.

— Потому что крадут?

Он качнул усами.

— Потому что иногда вещь сама называет другого хозяина. И если её отдать не тому, потом весь зал слушает, как чемодан по ночам зовёт маму. Нервное занятие, скажу я вам.

Я сделала пометку в памяти: багаж здесь не просто вещи. Значит, стол находок во второй главе моей жизни может превратиться в отдельный кошмар.

— Четвёртое, — сказала Агата. — Если печь в буфете просит уголь, дать два полена.

— Почему?

— Потому что уголь она выплёвывает, а поленья принимает. Никто не знает, почему. Прежний смотритель говорил, что у неё вкус.

— У печи.

— У некоторых людей вкуса меньше, — отрезала Агата.

Тимон прикрыл рот ладонью, пряча улыбку.

Я вдруг почувствовала, что впервые за весь день воздух вокруг перестал быть сплошной угрозой. В нём появились люди. Невозможные, недоверчивые, колючие, но живые. А значит, на Последней станции можно будет не только бояться. Там можно будет спорить с печами, ругаться с багажом, считать долги, ловить двери и, возможно, иногда пить горячее из кружки, если Агата сочтёт это практичным.

— А главное правило? — спросила я.

Трое переглянулись.

И вот это мне не понравилось.

Агата отвела лицо к окну. Тимон перестал улыбаться. Марта поправила манжету форменной куртки, хотя та и так сидела ровно.

— На Последней станции нельзя обещать то, что не сможешь выполнить, — сказала Марта. — Она слышит обещания лучше людей.

Я вспомнила девочку на перроне. То, что хотела сказать ей перед отъездом. Что найду третий вагон. Что не оставлю всё так.

Хорошо, что промолчала.

Поезд вдруг качнулся сильнее. Лампа на столике вспыхнула, потом стала синеватой. За окном деревья исчезли, и стекло залило белым светом. Я поднялась, придерживая папку, и прильнула к морозному узору, стараясь разглядеть дорогу.

Мы выехали на мост.

Внизу раскрывалось ущелье. Чёрная глубина, белые склоны, далёкая река под коркой льда, похожая на треснувшее зеркало. Рельсы впереди не лежали на камне или дереве: они висели в воздухе, натянутые между двумя берегами тонкими светящимися линиями. Поезд шёл по ним без колебаний, а вокруг вагонов поднималась серебряная пыль.

Я отшатнулась от окна.

— Это нормально?

— Для северного пути — да, — сказала Марта. — Для людей, которые едут впервые, нет. Тимон наклонился к моему сундуку.

— Слышал? Хозяйка впервые едет и пока не кричит. Возьми пример.

Сундук щёлкнул зубами.

А я вдруг рассмеялась.

Очень коротко, хрипло, от усталости и страха, но смех всё равно вырвался. Агата смерила меня подозрением. Марта чуть повернула голову. Тимон, кажется, остался доволен собой.

— Простите, — сказала я, унимая дыхание. — Просто день начался с крика на перроне, продолжился обвинением в катастрофе, а теперь я еду по воздуху в место, где печь выбирает дрова. Нервы выбирают странное время для отдыха.

— Нервы у вас всегда были странные, — сказала Агата.

На этот раз её голос прозвучал не так жёстко.

Я не стала уточнять, какой была Наяра раньше. Ещё не время. Если спрашивать обо всём сразу, они снова закроются. Лучше собирать по крошке. Один совет, один взгляд, одно неосторожное слово.

Я допила горячее, поставила кружку и открыла папку на листе с долгами.

— Пока есть два часа, — сказала я, — будем работать.

Тимон кашлянул.

— В дороге?

— А когда ещё? На станции, судя по вашим лицам, меня встретят не оркестром.

— Оркестр у нас продали за долги, — буркнула Агата. — Вместе с двумя скатертями и половником. Полнейшее безобразие, между прочим.

Я взяла чистый лист из папки Крамма. К счастью, писарь положил туда несколько запасных страниц. Чернильницу я нашла в ящичке под столиком; перо само выскользнуло в пальцы, словно давно ждало работы. Я едва не уронила его, но удержала.

— Перечисляйте, — сказала я. — Что на станции в самом плохом состоянии?

— Крыша, — сразу ответила Агата.

— Касса, — сказал Тимон.

— Расписание, — сказала Марта.

Все трое произнесли это одновременно и тут же недовольно уставились друг на друга.

— Прекрасно, — пробормотала я. — Станция разваливается демократично.

Я разделила лист на три колонки. Крыша. Деньги. Расписание.

— Начнём с крыши. Где течёт?

— В зале ожидания, над буфетом, возле кассы, в бывшей комнате смотрителя, в багажной, в коридоре к третьей платформе, — перечислила Агата. — Ещё на чердаке, но туда после прошлой зимы никто не ходит.

— Почему?

— Потому что лестница возвращает вниз.

Я подняла перо.

— То есть?

— Поднимаешься, открываешь люк и оказываешься снова у подножия лестницы. Иногда с ведром на голове, если лестнице весело.

Я записала: «чердак — доступ нестабилен». Слово «весело» в официальный список вносить не стала, хотя оно прекрасно передавало ситуацию.

— Касса? — спросила я у Тимона.

Он почесал усы.

— Денег нет. Книга есть, но пустая.

— Как это пустая?

— Открываешь — страницы чистые. Закрываешь — слышно, как внутри кто-то листает. Открываешь снова — чисто. Я три раза видел.

— Может, чернила проявляются при каком-то условии?

— Может. А может, книга просто стыдится наших доходов.

Я записала: «кассовая книга не показывает записи».

— Расписание? — обратилась я к Марте.

Проводница стала серьезнее.

— На Последней станции две доски. Главная в зале ожидания и путевая у платформ. Главная показывает рейсы для пассажиров. Путевая — для служащих. Раньше они совпадали. Теперь нет.

— Как давно?

Марта сжала губы.

— После исчезновения смотрителя. До вашего последнего приезда они уже спорили.

— Моего?

Тишина в купе стала плотнее.

Я поняла, что снова спросила не так. Агата с Тимоном обменялись быстрыми взглядами.

Марта прикрыла путевой журнал, который держала под мышкой.

— Госпожа Локс, — сказала она, — вы были на Последней станции три недели назад.

Я медленно положила перо.

— Была?

— Да. Приехали без предупреждения. Провели там ночь. Утром забрали часть документов из комнаты смотрителя, распорядились закрыть багажную линию и уехали на центральный узел. Через два дня случился рейс, который привёл вас на тот перрон.

Вот он. Первый кусок.

Наяра не случайно была связана с Последней станцией. Она туда уже приезжала. Забрала документы. Закрыла багажную линию. Потом произошла катастрофа, исчез третий вагон, а её обвинили.

— Какие документы? — спросила я.

Марта отвела глаза к окну.

— Вы не сказали.

— А кто видел?

— Я провожала вас до кабинета. Потом вы приказали никого не впускать.

— И вы подчинились?

— Вы были управляющей центрального узла. А мы — служащие станции, которой давно грозили закрытием.

В её голосе не было оправдания. Только усталость.

Я записала отдельную строку: «Наяра была на станции 3 недели назад. Документы смотрителя. Багажная линия закрыта по её приказу».

Обрывок в корсаже стал ощутимее, словно бумага потяжелела.

«Если стрелка уйдёт под снег, ищи...»

Может, искать надо было именно те документы. Или место, где Наяра их спрятала.

— Что такое багажная линия? — спросила я.

Тимон оживился, потому что вопрос касался его владений.

— Не комната, а путь. У людей свои платформы, у багажа свои. На нормальных станциях вещи идут по багажному рельсу: сундук к владельцу, ящик на склад, чемодан к вагону. У нас линия начала возвращать вещи не тем людям, а потом однажды привезла корзину с мокрым песком и фамильным портретом какого-то барона, который умер лет сто назад.

— И Наяра велела её закрыть?

— Велела. Мы спорить не стали. После портрета спорить не хотелось.

Агата проворчала:

— Портрет ещё неделю требовал отдельный стол в буфете.

Я уставилась на неё.

— Портрет?

— Ну не песок же.

Тимон снова спрятал улыбку в усы.

Я записала ещё: «багажная линия повреждена/закрыта».

Поезд сошёл с воздушного моста на твёрдый путь. Колёса изменили звук — стал глуше, мягче. За окном пошёл густой лес, такой тёмный, что даже снег на ветках казался серым. Время в вагоне сдвигалось странно. То мне казалось, что с перрона прошёл час, то целая жизнь.

Мы продолжали работать.

Список плохого рос быстро. Печи, крыша, долги, спорящие доски, пустая кассовая книга, неясная багажная линия, исчезнувший смотритель, враждебный посёлок, неоплаченные поставки, разбитое окно в буфете, потерянная печать станции, закрытая комната под часами, где «пахнет грозой», хотя гроз на севере зимой не бывает.

Чем больше я записывала, тем сильнее понимала: Крамм отправил меня не управлять станцией. Он отправил меня тонуть в куче старых проблем, где каждая сама по себе могла погубить месяц, а все вместе — человека.

Но вместе с ужасом появлялось другое чувство.

Я впервые за день держала в руках не чужую вину, а список задач. У задач есть неприятное свойство: они пугают, пока висят туманом. Когда записываешь их по пунктам, они всё ещё огромные, но уже имеют края. А за края можно ухватиться.

— Первое, что сделаем по прибытии, — сказала я, перечитывая лист, — соберём ключи.

Тимон приподнял брови.

— У кого?

— У всех. Касса, багажная, комнаты, склады, печи, выходы, платформы, кабинет смотрителя. Кто чем пользовался, тот принесёт и объяснит. Если ключа нет — записываем, когда потерял и кто видел последним.

— Народ вас за это полюбит, — сухо сказала Агата.

— Мне не любовь нужна. Мне нужен список того, чем я вообще управляю.

Марта кивнула первой.

— Разумно.

Одно это слово от неё прозвучало сильнее похвалы.

— Второе, — продолжила я, — проверим комнаты. Не все сразу, хотя бы главный зал, кассу, буфет, багажную, кабинет смотрителя и то, что служащие считают опасным.

— Вы оптимистка, — сказал Тимон. — У нас опасным считают всё, кроме Агаты. Агату считают неизбежной.

— И правильно делают, — отрезала та.

— Третье: журнал жалоб.

Агата нахмурилась.

— Зачем вам жалобы? Люди и так орут при каждом удобном случае.

— Крик не документ. Мне нужно понять, что ломается чаще всего, кто кому должен, кого станция обидела, кто врёт, кто просто боится и кому можно поручить работу.

Тимон почесал затылок.

— Вы точно головой ударились?

— Уверена, что да.

— Потому что прежняя Локс на жалобы отвечала печатью «отклонено».

Это кольнуло неожиданно больно. Не меня — я ведь не Наяра. И всё же лицо, имя, её прошлое теперь были на мне. Каждое чужое «прежняя Локс» становилось частью стены, которую придётся разбирать по камню.

— Значит, начнём с чистого журнала, — сказала я. — И с плохого почерка, если перо будет сопротивляться.

Агата впервые коротко усмехнулась.

Марта открыла занавеску и выглянула в коридор.

— Старый семафор через пять минут.

Разговор сразу оборвался.

Я почувствовала перемену раньше, чем увидела. Вагон стал холоднее. Не настолько, чтобы замёрзнуть, но тепло из стен ушло, лампа потускнела, а в стыках деревянных панелей проступил иней. За окном лес редел, открывая белую равнину. Вдали стоял высокий столб — не просто семафор, а тонкая башня с тремя круглыми стеклянными глазами. Один горел зелёным, второй синим, третий не горел вовсе, но казался самым внимательным.

Поезд замедлил ход.

Марта вышла в коридор. Тимон поднялся за ней. Агата забрала пустую кружку и, прежде чем уйти, наклонилась ко мне:

— Когда увидите станцию, не верьте первому впечатлению.

— Почему?

— Первое впечатление всегда хуже правды.

Это была странная попытка утешить. Или предупредить.

Я осталась у окна.

Поезд прошёл мимо семафора. Негорящий глаз башни вдруг вспыхнул белым. На стекле моего окна на миг проступили буквы, нарисованные инеем изнутри.

«Назначенная хозяйка принята к пути».

Я не успела коснуться надписи. Она растаяла, оставив мокрую дорожку.

Папка на коленях раскрылась сама. Лист с отчётом Остена Грая дрогнул, перевернулся, и сверху лёг чистый лист. На нём проступила одна строка:

«До прибытия: двадцать одна минута».

— Спасибо за любезность, — сказала я в пространство. — Можно было ещё погоду написать и уровень враждебности местных.

Лист подумал — я почти уверена, что подумал, — и вывел вторую строку:

«Погода: снег. Враждебность: высокая».

Я закрыла глаза, потом открыла.

Строки остались.

— Ну хоть честная, — прошептала я.

Через двадцать одну минуту поезд начал тормозить.

Сначала за окном показались фонари. Их было мало, и они горели неровно: один ярко, другой едва тлел, третий мигал, словно никак не мог решить, участвует он в освещении или уже уволился. Затем из снежной мглы выступило здание станции.

Я не сразу поняла, насколько оно большое.

Сначала увидела крышу — тёмную, крутую, со сломанным флюгером в виде крылатого колеса. На одном скате снег лежал ровно, на другом зияли прорехи, из которых торчали балки. Потом проявились стены: каменные, серые, с деревянными пристройками, кое-где почерневшими от сырости. Над главным входом висела вывеска. Половина букв погасла, но оставшиеся упрямо держались:

ПОСЛЕД... СТАН...Я

Между «послед» и «стан» ветер гонял снег.

Здание не выглядело мёртвым.

И в этом была главная беда.

Мёртвые дома стоят спокойно. Разваливаются, скрипят, ждут ремонтников или сноса. А Последняя станция казалась обиженной. Она хмурилась пустыми окнами, сутулилась проваленной крышей, прятала тёмные двери под навесом, но при этом следила за поездом. Я не могла объяснить это иначе. Вокзал глядел.

Платформа была занесена снегом. У самого края торчали кривые столбики с цепью, половина цепи лежала на настиле. Первая платформа находилась там, где ей положено. Вторая виднелась чуть дальше, за багажным навесом. А третья...

Я моргнула.

Между второй платформой и тёмным складом на миг проступили фонари. Три штуки. Тонкие, голубоватые. Под ними обозначилась линия перрона, мокрая, блестящая, как после дождя, хотя кругом лежал снег. Затем ветер поднял белую пыль — и третья платформа исчезла. Остались только склад и сугроб у стены.

— Видели? — спросила Марта у меня за спиной.

Я не услышала, как она вошла.

— Да.

— Хорошо.

— Что именно хорошо?

— Что не стали делать вид, что не заметили.

Поезд остановился.

Двери открылись не сразу. Снаружи что-то лязгнуло, заскрипело, потом раздался звук, похожий на недовольный вздох. Вагон выпустил тёплый воздух на мороз, и в купе сразу стало зябко.

— Госпожа Локс, — позвал Тимон из коридора. — Добро пожаловать обратно в место, которое вы благоразумно покинули.

Я взяла папку, шкатулку с письмами, накинула шаль плотнее и вышла.

Холод на Последней станции был другим.

На центральном узле он летел с ветром, колол лицо, забирался под платье. Здесь он поднимался снизу, от досок, от камня, от стен, словно станция за долгие годы накопила его внутри и теперь делилась с каждым прибывшим. Воздух пах снегом, старой сажей, мокрой шерстью, пустыми комнатами и пылью, которую давно никто не тревожил.

На платформе нас встречали люди.

Их было не много: человек пятнадцать. Кто-то в рабочих куртках, кто-то в старых пальто, двое подростков с лопатами, сухой мужчина с фонарём, невысокая женщина с платком, завязанным поверх шапки. Все стояли так, словно пришли не встречать назначенную хозяйку, а убедиться, что беда действительно приехала.

Когда я спустилась на настил, разговоры стихли.

Мой каблук попал в щель между досками. Я едва не оступилась, но удержалась за поручень. Тимон с сундуком за спиной издал звук, очень похожий на сдержанное «вот и началось».

— Наяра Локс, — сказал сухой мужчина с фонарём.

Не приветствие. Проверка.

— Да, — ответила я.

Он поднял фонарь выше. Свет упал на моё лицо, потом на металлическую пластину с именем.

— Пахом Сверч, сторож.

— Сторож чего?

— Когда как.

За моей спиной Тимон кашлянул. Похоже, вопрос я задала слишком честный.

Пахом прищурился.

— Вы не узнаете станцию?

Вот оно.

Первый камень.

Я могла бы сказать, что узнаю, и тут же провалиться на следующей подробности. Могла бы сослаться на усталость, удар, дорогу. Но Агата была права: слабых здесь обходят. А при-творство без знаний — самая хрупкая слабость.

— После сегодняшнего происшествия я многое проверяю заново, — сказала я. — Нач-нём с простого. Кто из вас числится служащими станции?

Люди переглянулись.

Вопрос сбил их с обвинительной стойки. Ненадолго, но этого хватило.

— Мы все тут служим, когда надо, — буркнул подросток с лопатой.

— Мне нужны имена и обязанности.

— А раньше вам были не нужны, — сказала женщина в платке.

— Раньше станция пришла к тому, что я вижу перед собой. Значит, раньше было недо-статочно.

Слова вышли жёстче, чем я хотела, но отступать было поздно. На лицах мелькнуло удив-ление. Не любовь. Не доверие. Просто трещина в ожидании, что Наяра начнёт приказывать по-старому или оправдываться.

Агата спустилась следом и поставила корзину на платформу.

— Хватит мёрзнуть и показывать характер, — бросила она местным. — Хозяйка хочет имена — называйте. Или потом не жалуйтесь, что вас опять записали не туда.

— А кто нас будет записывать? — спросил кто-то.

Я достала из папки чистые листы.

— Я.

И сразу поняла, что перо осталось в купе.

Тимон заметил мою паузу, покопался в кармане и протянул короткий огрызок карандаша.

— На Последней станции лучше всегда иметь при себе то, чем можно писать, ковырять лёд и отпирать упрямые щеколды.

— Универсальный инструмент?

— Самый надёжный после крепкого слова.

Я взяла карандаш.

Так на заснеженной платформе, под мигающими фонарями, начался мой первый список.

Пахом Сверч — сторож, ключи от наружных ворот и инструментальной лавки.
Агата Вьюн — буфет, кладовая, печи.
Тимон Клеш — багаж, носильщики, складские бирки.
Марта Сквозняк — проводница, путевой журнал, связь с рейсами.
Двое подростков — Федя и Рик — уборка платформы, дрова, посыльные поручения.
Женщина в платке — Злата Корень, вдова бывшего смотрителя. При слове «бывшего» Пахом отвёл лицо, а Злата крепче сжала руки под платком. Я отметила это без вопроса.

Ещё несколько имён добавились неровно, с бурчанием: путевой мастер Горан Шип, его брат Лют, кассовая помощница Селма, которая «временно не открывает кассу, потому что там всё равно нечего открывать», и уборщица Дуня, которая пришла только посмотреть, «правда ли Локс вернулась не в гробу».

Мило.

Очень по-домашнему.

— Теперь ключи, — сказала я, когда последний назвал имя.

Враждебность стала почти осязаемой.

Пахом сжал фонарь.

— Какие ключи?

— Все служебные. Я должна знать, что открывает каждая дверь.

— Ключи у тех, кому положено.

— Тогда тем, кому положено, будет несложно показать и назвать.

— Вы нам не доверяете?

Я чуть не рассмеялась.

Вопрос был прекрасен в своей наглости: люди встречали меня как беду, обвиняли одним молчанием и при этом обижались, что я не готова вручить им станцию вслепую.

— Пока я не доверяю даже расписанию, — сказала я. — Не принимайте на свой счёт.

На стене вокзала, где висела наружная доска прибытия, вдруг щёлкнули буквы.

Старые строки осыпались вниз чёрной крошкой, и на доске появилось:

«Назначенная хозяйка прибыла».

Люди отступили на шаг.

Я подняла голову к доске.

— Благодарю за подтверждение, — произнесла я.

Доска немного подумала и добавила ниже:

«Срок: тридцать дней».

— А вот это можно было не напоминать.

Тимон закашлялся за моей спиной, явно пряча смех. Агата пробормотала что-то про женщин, которые разговаривают с досками, и пошла к вокзальным дверям. Марта осталась рядом со мной.

Ключи начали приносить.

Неохотно. С ворчанием. С попытками объяснить, что «этот никто не использует», «тот потерян давно», «это не ключ, а память», «это от двери, которая всё равно не открывается». Я не спорила. Записывала. Вешала ключи на запасную цепочку, найденную у Тимона. Каждый ключ получал номер, описание и владельца, который его передал.

Через полчаса пальцы окоченели, карандаш оставлял бледные линии, а у меня уже был первый настоящий документ Последней станции.

Кривой, некрасивый, на обрывочных листах из папки Крамма, но настоящий.

— Теперь внутрь, — сказала я.

Главные двери вокзала открылись с таким звуком, словно их разбудили после тяжёлой ссоры.

Зал ожидания встретил нас темнотой и холодом.

Я остановилась на пороге, потому что первое желание было выйти обратно на платформу, где хотя бы снег честно лежал под ногами и ветер честно лез за воротник. Внутри всё выглядело запущенным не бедно, а обиженно.

Высокие окна были затянуты инеем. Под одним стояло ведро, наполовину заполненное замёрзшей водой, над ним на потолке темнело пятно протечки. Деревянные скамьи тянулись вдоль стен, часть перевёрнута, часть накрыта старыми чехлами. У дальней стены виднелась касса с заколоченным окошком. Над ней висела главная доска расписания.

Пока я смотрела, строки на доске менялись три раза.

«Прибытие: нет».
«Отправление: отменено».
«Ожидание: не спрашивать».

Я медленно повернулась к Марте.

— Оно всегда такое общительное?

— Сегодня вежливое, — сказала она.

Откуда-то справа потянуло дымом. Агата уже дошла до буфета и ругалась с печью.

Буфет занимал угол зала: стойка с потёртым резным краем, полки, пустые банки, связки сушёных ягод под потолком, несколько медных кружек и окно раздачи, через которое раньше, наверное, пассажиры получали горячее. Сейчас стойка была покрыта пылью, а на полу у печи лежали обгорелые щепки.

— Я тебе сказала, — доносился голос Агаты, — два полена, не больше. Будешь дымить — останешься холодной до весны.

Печь в ответ глухо бухнула.

Я не стала уточнять, кто побеждает. По выражению лица Агаты — пока она.

— Касса, — сказала я.

Селма, кассовая помощница, женщина лет тридцати с усталыми глазами, нехотя вышла вперёд. Ключ у неё был маленький, потемневший. Она вставила его в замок кассовой двери. Замок не повернулся.

— Видите? — сказала Селма. — Она не открывается.

— Давно?

— С прошлого месяца.

— А выручка?

— Какая выручка, если рейсов нет?

— Но люди всё-таки ездят. Северный путь не полностью закрыт.

Селма отвела взгляд.

— Иногда платят напрямую проводникам. Иногда оставляют у Пахома. Иногда Агата записывает за еду. Иногда никто никому не платит, потому что рейс приходит не тогда, когда надо, и пассажиры считают, что станция сама виновата.

Деньги, которые не проходят через кассу, — это не станция. Это базар в плохую погоду.

Я протянула руку.

— Дайте ключ.

Селма прижала его к груди.

— Он мне выдан.

— И я записала, что он у вас. Теперь мне нужно проверить замок.

— Вы опять решите, что кто-то украл?

— Я решу, что дверь закрыта. Пока только это.

Она нехотя вложила ключ в мою ладонь.

Металл был холодным и липким от её пальцев. Я вставила ключ сама. Замок сопротивлялся, но не как обычный заржавевший механизм. Он словно прислушивался. Я почувствовала под пальцами мелкую дрожь, будто где-то внутри двери перебирают крошечные колёса.

— Наяра Локс, назначенная хозяйка станции, — сказала я.

В зале кто-то фыркнул.

Замок щёлкнул.

Кассовая дверь приоткрылась.

Тишина стала густой. Даже печь в буфете перестала бухтеть.

Селма побледнела.

— Я три недели пыталась.

— Возможно, ей нужен был новый приказ, — сказала Марта.

Или не новый. Возможно, станции нужен был человек, который назовёт себя хозяйкой и не дрогнет на последнем слове. Я подумала об этом и сразу почувствовала на себе невидимое внимание стен.

Касса оказалась тесной, пыльной комнаткой с высоким табуретом, решётчатым окном и массивной книгой на столе. Та самая кассовая книга. Обложка потрескалась, углы стянуты медью, на замке — крошечное крылатое колесо.

— Она пустая, — сказала Селма за спиной.

Я открыла.

Страницы были чистыми.

Пахли сухой бумагой, пылью и чем-то металлическим. Я провела ладонью над листом, не касаясь. Ничего. Перевернула страницу. Чисто. Ещё одну. То же самое.

— Кто последний вносил записи?

Селма облизнула губы.

— Смотритель.

— Имя.

Она взглянула на Злату Корень, вдову, которая стояла у двери зала и не входила в кассу.

— Борей Корень, — сказала Злата сама. — Мой муж.

Имя легло в зал тяжело.

— Когда он исчез? — спросила я осторожно.

— Не исчез, — ответила Злата. — Ушёл проверять третью платформу и не вернулся.

Исчезают те, кто был здесь. А Борей пошёл туда, куда станция его позвала.

Марта опустила глаза. Тимон снял шапку. Агата в буфете громче, чем нужно, стукнула кочергой.

Я поняла: это не просто служебный факт. Это рана станции. И если полезу в неё грубо, люди закроются окончательно.

— Мы вернёмся к этому, — сказала я. — Не сейчас. Сейчас мне нужно открыть книгу.

— Её не открыть, — устало сказала Селма. — Она открывается, но не показывает.

Я посмотрела на пустую страницу.

В моей прежней жизни я не была ни бухгалтером, ни управляющей вокзалом, ни героиней с врождённой магией. Я умела другое: замечать, когда люди не договаривают; считать деньги так, чтобы хватило до конца месяца; чинить бытовые мелочи без инструкции, потому что вызвать мастера дорого; и начинать с очевидного, когда всё вокруг притворяется загадочным.

— Принесите чернила, — сказала я.

Селма удивилась.

— Зачем?

— Раз книга не показывает старые записи, сделаем новую.

— В ней нельзя писать поверх.

— Мы ещё не пробовали.

Чернила нашлись у Марты. Перо — у Селмы. Я обмакнула кончик, открыла первую страницу и написала сверху:

«День первый. Назначенная хозяйка Найра Локс прибыла на Последнюю станцию».

Чернила впитались.

Не исчезли.

Тогда ниже я добавила:

«Касса открыта в присутствии Селмы, Марты Сквозняк, Тимона Клеша, Агаты Вьон, Пахома Сверча, Златы Корень».

Перо шло по бумаге туго, словно книга сопротивлялась каждому слову, но строка осталась.

А потом под моей записью проступила другая. Серая. Тонкая. Не моим почерком.

«Принято».

Селма ахнула.

Я сидела неподвижно, держа перо над страницей, и впервые почувствовала не страх перед станцией, а странное родство. Не тёплое, нет. Скорее осторожное. Как с упрямым животным, которое не даёт погладить себя, но уже не бросается.

— Значит, так, — сказала я. — С этого момента все доходы и долги записываются сюда. Если книга не показывает прошлое, заставим её принять настоящее.

— Вы думаете, это поможет? — спросила Злата.

— Не знаю. Но чистая страница — лучше, чем пустая ложь.

Злата ничего не ответила, но в её лице что-то дрогнуло.

Мы вышли из кассы в зал ожидания. Я уже устала так, что каждый шаг отдавался в пояснице и висках, но останавливаться было нельзя. Слишком много глаз следило за мной, ожидая, когда «Локс» сорвётся, прикажет, накричит, даст повод ненавидеть её привычнее.

— Журнал жалоб, — сказала я.

Пахом хмыкнул.

— У нас жалобы на всех стенах.

— Теперь будут в одном месте.

Агата принесла с буфетной полки толстую тетрадь с заляпанной обложкой.

— Это книга старых заказов. Всё равно заказов нет.

— Теперь будет журнал.

Я открыла первую страницу и написала:

«Журнал жалоб, просьб и происшествий Последней станции».

— Сюда, — сказала я, обращаясь ко всем, — каждый может записать, что сломано, кто кому должен, какая дверь не открылась, какой рейс не пришёл, какой груз пропал, кто не получил плату, кто видел третью платформу и когда. Писать можно самим или через Селму, Марту, Тимона, Агату. А если кто-то не умеет — говорить мне.

— Вам? — переспросил Пахом.

— Мне.

— А вы будете читать?

— И отвечать.

В зале снова зашумели.

— Прежняя Локс...

— Прежняя Локс сейчас под обвинением, — сказала я. — Если хотите её же порядка, можете ничего не менять. Если хотите получить деньги, крышу, работающую кассу и рейсы, начнём с записей.

Слова повисли в холодном воздухе.

Затем вперёд вышла Дуня, уборщица. Маленькая, круглая, с красным носом, она с подозрением взяла карандаш и, склонившись над страницей, старательно вывела:

«В женской комнате ожидания из стены дует».

— Сколько времени? — спросила я.

— С осени.

— Почему не закрыли?

— Закрывали. Утром опять дует. Один раз оттуда вылетела чужая квитанция.

— Чья?

— Не знаю. Там имя смыло.

Я записала рядом: «проверить стену и найденные бумаги».

Потом подошёл Федя с лопатой. Попросил записать, что за дрова ему не платили двенадцать дней. Агата тут же заявила, что дрова были сырые, Федя возмутился, Тимон сказал, что сырые дрова тоже не сами пришли, и зал ожидания впервые за вечер зашумел не ненавистью ко мне, а обычной станционной жизнью.

Странно, но это было почти приятно.

Не хорошо. До хорошего здесь было как до моей квартиры через три мира и неизвестно сколько путей. Но живее.

После жалоб мы пошли проверять комнаты.

Главный зал — холодный, с двумя протечками и одной спорной печью. Буфет — пыльный, бедный, но под руками Агаты уже оживал: она переставляла кружки, проверяла полки, отдавала короткие распоряжения, и даже стены в её углу выглядели чуть менее уныло. Касса — открыта, книга приняла первую запись. Багажная — закрыта, ключ у

Тимона, внутри, по его словам, «лучше не шуметь после темноты».
Комната смотрителя — заперта.

У двери комнаты смотрителя мы остановились все.

Она находилась в дальнем коридоре под часами. Коридор был узкий, с деревянными панелями и тремя тусклыми фонарями. Часы над дверью стояли. Стрелки показывали без четверти два. Я спросила у Марты время.

— После девяти, — ответила она.

— Давно стоят?

— С ночи, когда не вернулся Борей.

Злата Корень, шедшая за нами, побледнела, но не ушла.

Дверь была тёмная, крепкая, с медной ручкой. На ней не висело печати, но я почувствовала тот самый запах перед грозой, который был на центральном перроне. Острый, терпкий, с привкусом железа.

— Ключ? — спросила я.

Пахом нехотя протянул связку.

— Этот не откроет.

— Почему?

— Никому не открывает.

Я вставила ключ.

Он повернулся до половины и встал.

Дверь не шелохнулась.

— Видите? — сказал Пахом с мрачным удовлетворением.

Я убрала руку с ключа, но не отошла. Если это комната смотрителя, там могут быть документы Наяры. Или следы Борея. Или объяснение, почему Наяра три недели назад закрывалась здесь одна.

— Наяра Локс, назначенная хозяйка станции, — произнесла я, как у кассы.

В коридоре стало холоднее.

Часы над дверью вдруг тикнули.

Один раз.

Потом ещё.

Стрелка дрогнула и сдвинулась на минуту.

Злата всхлипнула, прижав ладонь ко рту.

Дверь осталась закрытой.

Но из-под неё выскользнул маленький прямоугольник бумаги. Он проехал по полу и остановился у носка моего ботинка.

Я наклонилась.

— Не берите голыми руками, — предупредила Марта.

Я замерла.

— Почему?

— Комната смотрителя иногда возвращает не бумаги, а воспоминания.

Звучало так, что проверить не хотелось.

Тимон молча протянул мне свою рабочую перчатку. Я надела её и подняла бумагу.

Это была багажная бирка.

Старая, потемневшая, с оборванным шнурком. На одной стороне стоял номер: 3-17. На другой — размазанные буквы.

«Северный рейс. Вагон...»

Дальше пятно.

Третий вагон.

Я почувствовала, как все смотрят на бирку, а коридор вокруг стал ещё уже.

— Эта вещь была у Борея? — спросила я у Златы.

Та качнула головой.

— Не знаю. Но номер его рукой. Он всегда писал семёрку с крючком.

Марта приблизилась, не касаясь бумаги.

— Три-семнадцать. Это не пассажирская бирка. Это багажная линия.

— Та, которую Наяра велела закрыть?

— Да, — сказал Тимон. — И если бирка вышла из комнаты смотрителя сейчас, значит, станция тоже помнит тот вагон.

Я посмотрела на закрытую дверь.

Внутри что-то скрипнуло. Не громко. Скорее, как половица под шагом. Но по спинам людей прошла волна.

— На сегодня хватит, — сказала Агата.

Никто с ней не спорил.

Мы вернулись в зал ожидания. Уже стемнело окончательно. За окнами снег ложился плотнее, фонари на платформе расплывались мутными пятнами. Агата добилась от печи огня и теперь в зале стало хотя бы можно дышать без ощущения, что лёгкие превращаются в лёд. Люди постепенно расходились: кто в посёлок, кто в служебные комнаты, кто на платформу проверять запоры.

Я осталась у стола возле кассы.

Передо мной лежали: список ключей, первые жалобы, лист долгов, бирка 3-17, обрывок записи Наяры, папка Крамма и билет с пунктом «Дом».

Очень хотелось лечь прямо на этот стол и проснуться в своей квартире.

Вместо этого я открыла журнал жалоб и перечитала первые записи.

Из стены дует.
 Не платили за дрова.
 Касса не принимает старые долги.
 Вторая платформа дважды увела пассажиров к складу.
 В буфете пропали мешки крупы.
 В комнате смотрителя тикают остановленные часы.
 Третья платформа видна после прибытия северного рейса.

Каждая строка была мелкой, бытовой и одновременно вела в темноту.

Агата поставила рядом тарелку с горячей кашей. Не спрашивая, не предлагая, просто поставила и ушла обратно к буфету.

— Спасибо, — сказала я ей вслед.

— Ешьте, пока станция не передумала вас терпеть, — буркнула она.

Я улыбнулась краем губ и взяла ложку.

Еда оказалась простой, густой, чуть солёной. После дня, который начался на промёрзших досках и продолжился обвинениями, она казалась роскошью. Я ела небольшими глотками, потому что тело устало, но тепло медленно возвращалось под кожу.

Марта села напротив, положила перед собой путевой журнал.

— Я останусь сегодня на дежурстве у расписания.

— Почему?

— После прибытия назначенной хозяйки оно может выдать новый рейс.

— Вы так говорите, словно это уже бывало.

— Бывало многое. Не всё стоит рассказывать в первый вечер.

— Чтобы я спала спокойнее?

Марта подняла глаза от журнала.

— Чтобы вы вообще спали.

Я едва не сказала, что спать после всего вряд ли смогу, но тут из коридора пришёл Тимон с двумя одеялами.

— Ваша комната готова, — объявил он. — Если готовностью считать отсутствие снега на подушке.

— Роскошно.

— Я тоже так сказал. Агата велела не издеваться над начальством до утра.

— А вы?

— Я сказал, что начальство ещё не доказало, что оно начальство.

— Справедливо.

Он поставил одеяла на край стола и заметил бирку 3-17. Весёлость ушла из его лица.

— Уберите её на ночь, госпожа Локс.

— Почему?

— Багажные бирки любят дорогу. Если оставить, может вернуться туда, откуда пришла.

— В комнату смотрителя?

— Или в вагон.

Я сразу убрала бирку в шкатулку. Замок сундука, стоявшего у стены, довольно щёлкнул, когда я спрятала шкатулку внутрь, словно одобрял осторожность.

К полуночи, если верить нормальному времени, зал почти опустел.

Но станция не спала.

Старые балки потрескивали. Печь в буфете ворчала, принимая поленья. Где-то под потолком капала вода в ведро. Наружные фонари шипели на ветру. Расписание над кассой время от времени меняло пустые строки, выводя бессмысленные, на первый взгляд, сообщения:

«Ожидание продлено».
«Путь не закрыт».
«Хозяйка внесена».

Последнее меня тревожило больше остальных.

Внесена куда?

В список служащих? В книгу долгов? В память станции? В ловушку?

Я сидела у стола с карандашом в руке и составляла план на утро: крыша, печи, список долгов по людям, разговор с Златой, попытка открыть комнату смотрителя, проверка багажной. На отдельном листе выписала имена тех, кто был на месте, когда Наяра приезжала три недели назад. Получилось мало: Марта, Злата, Пахом, возможно, Тимон, который тогда уезжал за грузом, и Агата, если верить её словам, весь день воевала с поставщиком муки.

Марта дежурила у доски расписания, стоя у стены с журналом в руках. Агата спала где-то за буфетом, хотя «спала» для неё, наверное, означало сидеть с закрытыми глазами и одним ухом следить за печью. Тимон ушёл проверять замки багажной.

Я наконец поднялась, собираясь идти в выделенную комнату, когда станция вздохнула.

Иначе назвать этот звук было невозможно.

Воздух в зале качнулся. Фонари вытянули пламя. Страницы журнала жалоб сами перелистнулись до чистого листа. Печь за буфетом погасла на миг и снова разгорелась.

Марта выпрямилась.

— К расписанию.

Я подошла к ней.

Буквы на главной доске дрожали. Потом старые строки посыпались вниз чёрной пылью, исчезли в воздухе, и на их месте начала проступать новая надпись.

Сначала время.

«Ночь. Первый час».

Потом путь.

«Платформа: первая».

Затем рейс.

«Прибытие: немедленно».

Я почувствовала, как холод снова поднимается от пола, хотя печь горела.

Марта побледнела.

— У нас нет ночных рейсов, — сказала она.

Я смотрела на доску, уже зная, что строка ещё не закончилась.

Последние слова проявлялись медленнее остальных, по одной букве, словно станция тщательно выбирала, как именно сообщить о беде.

«Рейс прибует. Без пассажиров».

Где-то снаружи, за заснеженными окнами, в темноте протяжно и низко загудел поезд.

Глава 3. Вагон без пассажиров

Гул за окнами не был похож на звук обычного поезда.

Обычный поезд, даже магический, должен приближаться постепенно: сначала далёкая дрожь рельсов, потом нарастающий перестук колёс, после — свет фонарей в снежной мгле. Этот пришёл иначе. Сначала станция вздохнула, потом расписание выдало свою страшную строку, и только после этого в темноте родился протяжный низкий голос, от которого стекло в окнах покрылось тонкой паутиной инея.

Я стояла перед доской расписания с листами в руках и чувствовала, как тепло от буфетной печи отступает за спину, уступая место холоду, который тянулся от пола и стен. Усталость после дороги, списка ключей, жалоб, кассы, комнаты смотрителя и всех разговоров навалилась разом, но страх оказался сильнее. Он не дал мне согнуться над столом, не разрешил присесть, не позволил спрятаться за мыслью, что я здесь всего первый вечер и вообще-то не обязана понимать расписание, которое ведёт себя как мрачный родственник с обидой на весь мир.

«Рейс прибудет. Без пассажиров».

Слова на доске не исчезали.

Марта стояла рядом, сжав путевой журнал. Агата вышла из-за буфета с полотенцем через плечо, и даже её печь, ещё минуту назад ворчавшая на поленья, притихла. Тимон появился из коридора к багажной так быстро, словно всё это время не проверял замки, а ждал именно такого звука.

— Первая платформа, — произнесла Марта.

— Я вижу.

— Ночные рейсы здесь не принимают.

— Видимо, станция решила иначе.

Марта перевела внимание с доски на меня. В её лице не было паники, и от этого тревога становилась только глубже. Люди, которые умеют бояться спокойно, всегда пугают сильнее тех, кто кричит.

— Если рейс уже внесён в расписание, двери придётся открыть.

— А если не открыть?

Ответил Тимон:

— Тогда он войдёт без дверей.

На секунду мне очень захотелось вернуть себе обычную жизнь. Ту, где худшее ночное расписание — это отменённая электричка и такси по двойному тарифу. Ту, где вагон без пассажиров означал всего лишь техническую перегонку состава, а не нечто, от чего станция замирала вместе с людьми.

Но обычная жизнь осталась где-то за семью ударами гонга, за центральным узлом и билетом, который грелся у меня в кармане.

Я сложила листы, сунула их под обложку журнала жалоб и выпрямилась.

— Что нужно сделать, чтобы принять рейс правильно?

Тимон приподнял брови.

— Вы серьёзно?

— У меня есть выбор?

— Можно стоять и надеяться, что оно само рассосётся.

— У вас часто это работает?

— Ни разу, но люди любят традиции.

Агата хмыкнула.

— Хватит зубоскалить, Клеш. Если вагон на первой платформе, мне нужно закрыть буфетную стойку. В прошлый раз после пустого рейса у меня три кружки ушли сами и вернулись с чужими зубами на дне.

Я повернулась к ней.

— С чужими чем?

— Сувенирными, — отрезала Агата. — Стеклянными. Не отвлекайтесь, госпожа хозяйка, у вас сейчас будет первое ночное веселье.

Марта уже двинулась к двери.

— Фонари. Один у меня, второй у Пахома, третий должен быть в шкафу под расписанием.

На платформу без фонаря не выходить.

— Это правило для третьей платформы.

— Сегодня станция сама выбирает, какие правила куда относятся.

Я открыла шкаф под доской. Внутри пахло пылью, мокрым деревом и старым воском. На крючках висели три пустых держателя, а внизу лежал один фонарь — тяжёлый, с медной ручкой и стеклом цвета слабого янтаря. Внутри огонёк проснулся от моего прикосновения и потянулся вверх, как крошечное живое существо.

— Ну здравствуй, — выдохнула я.

Фонарь мигнул.

— С фонарями не болтайте, — сказала Агата. — Они после доброго слова садятся на шею.

— Даже фонари?

— Особенно фонари. Дали свет — уже считают себя членами семьи.

Тимон у двери фыркнул, но без прежней лёгкости. Он накинул шапку, проверил карманы и взял с лавки моток тонкой цепи.

— Это зачем?

— Если багаж начнёт разбегаться.

— Он может?

— После вопроса «он может?» на Последней станции обычно выясняется, что может всё.

Я не стала спорить. Просто взяла фонарь крепче и пошла к выходу.

Зал ожидания, который ещё недавно казался пустым и промёрзшим, теперь выглядел настороженным. Фонари на стенах горели ровнее, чем раньше. Кассовая дверь оставалась открытой, и из щели падала полоска света на пол. Журнал жалоб лежал на столе у буфета, подставив первую заполненную страницу. Печь Агаты, несмотря на недавнюю тишину, выдала короткий сердитый хлопок, когда мы проходили мимо.

— Сиди, — бросила ей Агата. — Без тебя справимся.

Мне стало бы смешно, если бы снаружи не нарастал гул.

Главные двери вокзала распахнулись от ветра. Снег ворвался в зал белой пылью, закружился у порога и тут же лёг тонким слоем на доски. За дверями темнела платформа. Фонари вдоль её края горели неровно: один жёлтым, другой синим, третий белесым светом, от которого лица людей казались нарисованными на старой бумаге.

Пахом Сверч уже стоял у наружной стойки с фонарём в руке. На нём был длинный тулуп, а лицо выглядело ещё суше, чем вечером.

— Это вы его вызвали? — спросил он, едва мы вышли.

— Я даже нормальный ужин вызвать не успела, — ответила я. — Не говоря о поездах.

Пахом не оценил.

— При прежнем смотрителе пустые рейсы не приходили.

Злата Корень стояла за ним, закутавшись в платок. Она не должна была быть здесь ночью, но, похоже, новость о рейсе прошла по станции быстрее ветра. Или станция сама позвала тех, кому нужно было видеть.

— При прежнем зрителе многое было иначе, — сказала Марта.

Злата вздрогнула, но промолчала.

Гул стал ближе. Под ногами дрогнули доски платформы. Где-то в снежной мгле вспыхнул первый огонь — круглый, мутный, словно фонарь поезда смотрел сквозь воду. Потом второй. Потом весь состав проявился из темноты так внезапно, что я невольно сжала ручку фонаря.

Это был один вагон.

Один-единственный.

Без локомотива.

Он катился по первой линии, тяжёлый, тёмный, с матовыми окнами и крышей, занесённой снегом. Колёса вращались без привычного стука; скорее шуршали, как сухие листья по камню. На боку вагона тянулась полоса старой краски, а над дверью висела табличка. Снег облепил её, но, когда вагон остановился напротив нас, буквы сами очистились.

«Багажный. Возврат не востребовавшего».

— Невостребованного кем? — спросила я.

— Вот это нам и предстоит выяснить, — сказала Марта.

Дверь вагона не открылась.

Вместо этого изнутри раздался стук.

Один раз.

Пауза.

Ещё три.

Потом началось сразу во многих местах: глухие удары, шорох, писк, скрежет замков, недовольное постукивание, скрип ремней. Казалось, вагон набит не вещами, а маленькой сердитой толпой, которую долго держали взаперти и наконец привезли к человеку, с которого можно спросить.

— Открывать? — спросил Пахом.

Все почему-то обратились ко мне.

Прекрасно. Вчера я ещё не знала, что у магического вокзала бывают ночные багажные рейсы, а сегодня уже должна решить, выпускать ли сердитые чемоданы на свободу.

— Если не откроем, он войдёт без дверей, — напомнила я слова Тимона.

— Это не совет был, — проворчал он.

— Поздно. Я уже использовала его как рабочую инструкцию.

Я шагнула ближе к вагону. Страх шёл рядом, но уже не закрывал глаза. Чем больше станция бросала в меня невозможного, тем отчётливее я понимала: паника здесь роскошь. Она занимает обе руки, а мне нужны руки для фонаря, ключей, списков и, если понадобится, для того, чтобы удержать собственный кусачий сундук от плохой компании.

На двери вагона была круглая ручка с выемкой под ключ. На связке, которую мы собрали вечером, подходящего не находилось. Я перебрала три — слишком маленькие, один плоский — не тот, длинный — вовсе отказался входить. Дверь внутри снова стукнула.

— Не торопите, — сказала я ей.

— С дверью тоже нельзя разговаривать? — спросил Тимон у Агаты.

— Можно, если потом не жаловаться, что она отвечает.

Я достала ключ Няры с зелёным камешком. Тот самый, которым открывала сундук. Замок вагона щёлкнул ещё до того, как металл коснулся выемки.

— О, — сказал Пахом. — Она вас ждала.

— Кто?

— Дверь.

У меня не было сил уточнять, насколько часто на этой станции двери кого-то ждут. Я вставила ключ. Ручка повернулась, дверь сдвинулась в сторону, и из вагона выдохнуло холодом,

пылью, старой кожей, сушёной травой, мокрым мехом, чужими духами, бумагой и железными застёжками.

Внутри было темно.

Фонарь в моей руке вытянул огонёк, осветив первые полки. На них лежали чемоданы, корзины, дорожные коробки, футляры, свёртки, сундуки, клетки без птиц, шляпные коробки, саквояжи, мешки с бирками и один фарфоровый чайник, который возмущённо подпрыгнул, когда свет попал на его бок.

— Невостребованное, значит, — сказала я.

В ответ ближайший чемодан громко стукнул крышкой.

— Или очень даже востребованное, но не теми, кто должен был востребовать, — заметил Тимон.

Марта поднялась в вагон первой после меня, осветила пол, стены и потолок.

— Пассажиров нет. Следов живых людей тоже.

— Вещи живыми считаются? — спросила я.

— На Последней станции лучше считать, что да.

Тимон поднялся следом, развернул цепь и закрепил один конец за дверную скобу.

— Сейчас начнут проситься.

Он оказался прав.

Сначала с верхней полки свалилась маленькая шляпная коробка. Она ударилась об пол, подпрыгнула и покатила к выходу, издавая тонкий писк. Тимон поймал её ногой.

— Стоять, красавица.

Коробка пискнула громче.

Потом раскрылся дорожный саквояж. Из него высунулась пара перчаток, быстро перебрала пальцами по краю, словно проверяла, свободен ли путь, и тут же спряталась обратно, когда Агата направила на неё свой фонарь.

— Даже не думай, — сказала буфетчица. — У меня на станции беглых перчаток не хватало.

С дальней полки раздалось сердитое постукивание, и тяжёлый сундук с медными углами попытался сам сползти вниз. Тимон успел подставить плечо.

— Вот за это я и не люблю ночные рейсы.

— Нам нужно всё выгрузить? — спросила я.

Марта осветила ряды вещей.

— Если оставить до рассвета, вагон может уйти обратно.

— С вещами?

— Или без них. Но обычно то, что уходит обратно, потом сложнее найти.

— Тогда выгружаем.

Пахом, стоявший на платформе, сразу отступил.

— Я сторож, а не грузчик.

— Сегодня вы сторожите порядок, — сказала я. — Порядок хочет, чтобы вы стояли у двери и не выпускали вещи без записи.

— Они не люди.

— Тем более. С людьми ещё можно договориться словами, а с шляпной коробкой я пока не уверена.

Тимон коротко хохотнул, Агата покачала головой, но пошла к вокзалу за дополнительным светом. Марта уже открыла свой путевой журнал, готовая отмечать время прибытия. Я спустилась на платформу и быстро огляделась.

Нужно было не просто вытащить багаж. Нужно было не превратить станцию в ночную свалку, где утром каждый потащит первое понравившееся. Если вагон прибыл без пассажиров, вещи могли быть связаны с исчезнувшим рейсом. Или с теми тайными перевозками, о кото-

рых писала прежняя Наяра. Или с банальным воровством, которое годами росло под видом станционной беды.

В любом случае начинать надо было не с магии.

Список. Стол. Свидетели. Номера. Кто вынес, кто принял, куда положил.

— Агата! — позвала я.

— Я вам не девочка на побегушках, — отозвалась она из дверей вокзала.

— Мне нужен самый длинный стол.

Она высунулась обратно.

— В зале есть стол старого смотрителя. Тяжёлый. Кривой. Противный. Вам понравится.

— На платформу его можно вынести?

— Если Клешу не жалко спину.

— Мне жалко, — сказал Тимон из вагона.

— Тогда зовите Федю и Рика, — сказала я. — И Пахом.

— Сторож не таскает мебель, — тут же заявил Пахом.

Я обернулась к нему с фонарём в руке.

— Сторож, который не помогает удержать ночной рейс в порядке, утром первым объяснит местным, почему их вещи опять пропали.

Пахом поджал губы.

— Вы угрожаете?

— Упорядочиваю ответственность.

Марта чуть склонила голову, будто это выражение показалось ей полезным.

Через десять минут на первой платформе стоял стол.

Он был действительно длинный, тяжёлый и кривой. Федя с Риком сопели, Тимон ругался, Пахом делал вид, что держит край исключительно из благородства, а Агата командовала так, словно всю жизнь мечтала вынести мебель под снег. Поверх стола я расстелила старую холстину, найденную у багажной, поставила фонарь, положила журнал жалоб, чистые листы и карандаш Тимона.

— Это будет стол находок, — сказала я.

— У нас не находки, а ночной вагон неизвестно откуда, — возразил Пахом.

— Поэтому начнём с самого простого названия. Если назвать его «стол вещей, которые пришли ночью без владельцев и могут убежать», люди начнут нервничать.

— Они уже нервничают, — заметил Тимон.

За окнами вокзала начали появляться лица. Несколько местных, которые ушли по домам, вернулись на свет и гул. Кто-то стоял у дверей, кто-то на краю платформы, придерживая шапку от ветра. Злата Корень снова была среди них. В её руке горел маленький фонарь. Она не подходила близко, но не уходила.

— Правила, — сказала я громче, чтобы слышали не только служащие. — Каждую вещь выносим по одной. Ставим на стол. Записываем номер бирки, внешний вид, поведение и особые признаки. Никто ничего не забирает без записи и подтверждения содержимого. Если вещь открывается только хозяину, мы это тоже записываем. Если кусается, стучит, пищит, зовёт кого-то или пытается уйти, записываем особенно внимательно.

— А если вещь оскорбляет? — спросил Тимон, вытаскивая первую шляпную коробку.

— Смотря насколько обоснованно.

Коробка пискнула так возмущённо, что даже Марта слегка опустила глаза, пряча улыбку.

Первые полчаса были чистым хаосом, но хотя бы хаосом под запись.

Шляпная коробка получила номер один. Она не открывалась, пищала при попытке поднять крышку и на бирке имела выцветшие буквы «М. С.». Я записала: «Не выдавать до установления владельца. Склонна к побегу».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.